

Владимир Головин – поэт, журналист, лауреат премии Союза журналистов Грузии, призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2016». Член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. В 2006-2011 годах – главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг очерков «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», десяти книг в серии «Русские в Грузии». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекрестки» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Кавказский экспресс» (Россия).

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

**«ТИФЛИС – ГОРОД,
ОКАЗАВШИЙСЯ
ДЛЯ МЕНЯ
ЧУДОДЕЙСТВЕННЫМ»**

ФЕДОР ШАЛЯПИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«ТИФЛИС – ГОРОД,
ОКАЗАВШИЙСЯ ДЛЯ МЕНЯ
ЧУДОДЕЙСТВЕННЫМ»

ФЕДОР ШАЛЯПИН

Тбилиси
2019

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

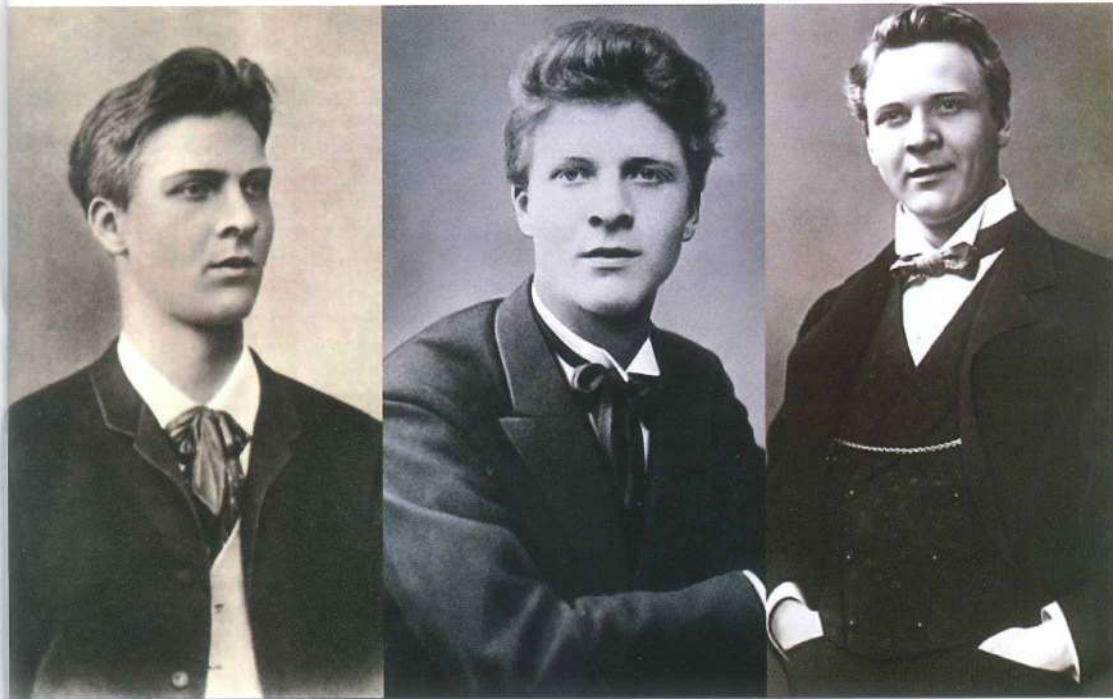
Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© **Русский клуб.** 2019
ISBN 978-9941-8-1698-7

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

О том, что Грузия сыграла огромную роль в жизни многих великих представителей русской культуры, знают все. Но если говорить о встречах, не просто удивительных, а о тех, что называют судьбоносными, то вряд ли столица этой страны подарила их кому-нибудь больше, чем девятнадцатилетнему парнишке, полуголодным вышедшему из бакинского поезда в начале 1892 года. Более того, даже комната, в которой Тифлис при-

ютил приезжего на углу Саперной и Водовозной улиц (ныне – Табукашвили и Броссе), оказалась в символическом месте. Хоть и подвальная, зато прямо напротив – «тылы» Казенного театра, того самого, который сегодня тбилисцы зовут просто Оперой. И символичность в том, что из нищеты и безвестности парень шагнул на сцену именно этого театра, а с нее – к всемирной славе. Из тифлисских стен и садов певец-неудачник Федя уехал

басом-профессионалом Федором Ивановичем Шаляпиным.

Кстати, о встречах в грузинской столице. Многие безапелляционно утверждают, что Шаляпин встречался здесь и с Максимом Горьким. Что ж, в ответ на это достаточно прочесть отрывок из очерка Федора Ивановича «Об А.М. Горьком», который после смерти писателя в 1936 году был опубликован в одной из парижских газет как некролог: «Из наших разговоров выяснилось, что мы жили друг от друга близко и в Тифлисе. В то время, как я работал в управлении Закавказской железной дороги по бухгалтерской части, Алексей Максимович служил в мастерских той же дороги слесарем и смазчиком... Вспоминается еще одно соседство наше с Горьким в том же Тифлисе. Когда я пел уже артистом мой первый сезон в театре на Головинском проспекте, Горький был поблизости... в тюрьме Метехского замка».

О том, что певец и писатель могли познакомиться еще до своей первой встречи в Москве в 1900 году, су-

ществуют и другие версии. Ответ на них вы найдете после страниц о приволжской юности Шаляпина. К тому времени, когда Шаляпин появился в Грузии, больше половины его еще недолгой жизни уже было связано с пением. Хотя, казалось бы, обстановка, в которой рос будущий великий артист, никак не способствовала этому. И еще: до Грузии вокалу он не учился, пел, как мог, просто используя дар, данный природой.

«ПОЙ, – НА ДУШЕ ВЕСЕЛЕЙ БУДЕТ!»

В феврале 1873 года в метрической книге казанской Богоявленской церкви появляется запись о том, что у «крестьянина Вятской губернии Ивана Яковлева Шаляпкина (ошибка в фамилии сделана по небрежности – В.Г.) и его законной жены Евдокии Михайловой родился сын Федор». А крестили младенца «крестьянин Владимирской губернии Николай Алексеев Тонков и казанского мещанина Родиона Петрова Шишкова дочь девица Людмила Родионова». Это дополнение немаловажно: именно сапожник Тонков станет тем человеком, у которого Федя пройдет потом один из своих, говоря по-горьковски, «университетов».

У отца родившегося мальчика – не совсем обычная для крестьянина должность: писарь в уездной земской управе. Он получает ее благодаря тому, что хорошо обучился грамоте у церковного пономаря после того, как

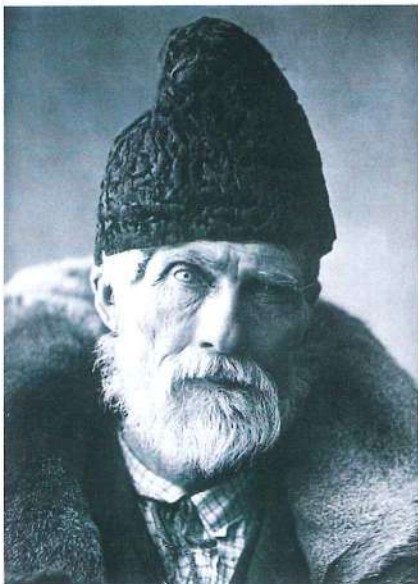
Богоявленская церковь

побывал и землепашцем в деревне, и водовозом, дворником, наемным работником в городе. Жена его полностью отдает себя домашним заботам. Места жительства, которые они сменяют, носят «говорящие» названия: Рыбнорядская улица, Собачий переулок, Суконная слобода. Быт там соответствующий – нехватка денег, драки. «Я знал, что в Суконной слободе всех бьют – и больших, и маленьких; всегда бьют – и утром, и вечером. Побои – нечто узаконенное, неизбежное». И еще неизбежно пьянство.

Пьет и Иван Шаляпин, а напившись бьет жену. Но... «Трезвый он был молчалив, говорил только самое необходимое и всегда очень тихо, почти шепотом... Со мною он был ласков, но иногда в минуты раздражения почему-то называл меня: Сквжина. Я не помню, чтобы он в трезвом состоянии сказал грубое слово. Если его что-либо раздражало, то скрежетал зубами и уходил, но все свои раздражения он скрывал лишь до поры,

Ф. Шаляпин у дома, в котором родился. 1901

Отец певца Иван Шалапин

пока не напивался пьян, а для этого ему стоило выпить только две-три рюмки. И тогда я видел перед собой другого человека», — вспоминал Федор Иванович.

В общем, пьющий писарь все-таки любит сына и желает ему хорошего будущего. А таковое в его представлении — обучение грамоте и работа в какой-нибудь конторе. И мальчик учится то в частной школе Ведерниковой, то в 4-м приходском училище, то в 6-м городском начальном училище, то в двухклассном училище с преподаванием ремесел в соседнем городишке Арске. Однако нигде надолго не задерживается — учеба скучна, семье нужны деньги, и его отдают в подмастерья к сапожникам, слесарю, плотнику... Но это все не для него — главным в его жизни становится пение.

С малых лет он слышит, что женщины, как и по всей Руси, за работой и по вечерам «начинали петь заунывные песни о белых, пушистых снегах, о девичьей тоске и о лучинушке, жалуюсь, что она неясно горит». Поет и его мать — «как-то особенно грустно, задумчиво и вместе с тем деловито». Так что вполне естественно такое воспоминание: «Певал я часто с матушкой моей, она была очень милой домашней пещельницей. Голос был простой, деревенский, но приятный. И мы часто голосили с ней разные русские песни, подлаживая голоса». Именно эти песни из детства потом войдут в концертный репертуар певца, а перед тем, как спеть мало кому известное «Эх ты, Ванька», он обязательно объявлял: «Записано со слов моей матушки».

Особенно нравится ему «дуэт», сложившийся, когда они живут в Татарской слободе: мать подпевает у окна работающему во дворе соседу-кузнецу и «два голоса поют так складно». Мальчик старается подтягивать, а кузнец поощряет: «Валяй, Федя, валяй! Пой, — на душе веселей будет! Песня, как птица, — выпусти ее, она и летит!». Став знаменитым, Шалапин так обобщил всех своих «учителей пения»:

«Народ, который страдал в темных глубинах жизни, пел страдальческие и до отчаяния веселые песни... Так вот, к песне поощрял меня и молодой кузнец, живший рядом с нами в Татарском дворе. Поощрял к песне и каретный мастер — сосед, в бричках и колясках которого, так сладко пахнувших кожей и скипидаром, я не раз проводил летние ночи, засыпая с песней. Поощрял меня к песне и другой сосед — скорняк, вознаграждая меня пятаком за усердную мою возню с его ласковыми и мягкими шкурками».

«...В ДУШЕ МОЕЙ ТЯГОТЕНИЕ К ЖИЗНИ АРТИСТА»

Именно пение приносит Феде первый заработок. Уже в Суконой слободе он слышит, как другой сосед — церковный регент (глава хора — В.Г.) Иван Щербинин проводит у себя спевку. Когда все расходятся, мальчик отправляется к нему и смущаясь просится в певчие. Щербинин снимает со стены скрипку: «Тяни за смычком!». И после нескольких нот объявляет: «Голос есть, слух есть. Я тебе напишу ноты — выучи!». Азы

Духосошественская церковь

нотной грамоты даются легко, дебют в хоре Духосошественской церкви проходит успешно, и через три месяца Федору назначают первое в жизни жалование — полтора рубля в месяц. Мать счастлива, отец озабочен лишь одним: принесет ли пение добавку к скудному семейному бюджету.

Федя поет в церквях на молебнах, свадьбах, похоронах, на праздничных вечерах у богатого купца, где певчих «угощали печеньем и чаем, в который можно было класть сахара, сколько душа желала». Начав работу в архиерейском хоре Спасского монастыря, Щербинин приводит туда Федора, и тот получает уже шесть рублей в месяц. Деньги отдаются родителям, но часть их утаивается — на сладости и на «походы к Яшке». Так в Поволжье называют владельца балагана Якова Мамонова, импровизирующего

Казанское 6-е городское училище

С любимым учителем Н. Башмаковым. 1901

красочные сценки из жизни простого люда. Грубоватый, понятный каждому юмор, смелые насмешки над публичной делают «паяца Яшку» невероятно популярным. А Федора, считавшего, что «счастье, быть таким человеком, как Яшка» он просто завораживает: «Не решусь сказать вполне уверенно, что именно Яков Мамонов дал первый толчок, незаметно для меня пробудивший в душе моей тяготение к жизни артиста, но, может быть,

именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интересом к театру, «к представлению», так непохожему на действительность».

Но именно в этот период отец решает, что пение не даст Феде стабильный заработок, и отправляет его в подмастерья и на учебу. А в 6-м городском училище преподаватель Николай Башмаков – любитель хорового пения, к тому же у него есть скрипка. И мальчик мечтает об этом инструменте: «Я стал уговаривать отца купить скрипку – мне казалось, что научиться играть на ней очень легко. Из денег, которые утаивались мною от жалованья, я не мог купить; это открыло бы отцу, что я не весь заработок отдаю ему. Да и, признаться, жалко мне было своих денег. Я умел и мог потратить их с не меньшим удовольствием. Отец купил мне скрипку на «толчке» за два рубля. Я был безумно рад и тотчас же начал пилить смычком по струнам, – скрипка отчаянно визжала, и отец, послушав, ска-

зал: «Ну, Скважина, если это будет долго, так я тебя скрипкой по башке!» И все же скрипка помогает парню написать трио для церковного хора.

А вот о другом месте учебы он вспоминает по-иному: «К сожалению, в школе Ведерниковой я научился довольно красиво писать, и это обстоятельство снова испортило мне жизнь. «Из тебя, Скважина, вообще ни черта не выйдет! – сказал мне отец. – Довольно тебе шарлатанить! У тебя красивый почерк. Садись-ка за стол да каждый день списывай мне листа два-три! Скоро пора тебе ходить со мною в управу». Я сел за стол. Мучительно скучно было выписывать красивыми буквами какие-то непонятные слова, когда вся душа на улице, где играют в бабки, в разбойники, в шармазлу».

«ТЕАТР СВЕЛ МЕНЯ С УМА»

В настоящий театр он попадает в 12 лет. Товарищ по духовному хору предлагает лишний билет за 20 копеек, и Федя оказывается в невиданном чарующем мире: «Я с изумлением смотрел в огромный колодезь, окруженный по стенам полукруглыми местами, на темное дно его, уставленное рядами стульев, среди которых растекались люди. Горел газ, и запах его остался для меня на всю жизнь приятнейшим запахом... Играл оркестр. Вдруг занавес дрогнул, поднялся, и я сразу обомлел, очарованный... По комнате, чудесно укра-

Татарская слобода в Казани

шенной, ходили великолепно одетые люди, разговаривая друг с другом как-то особенно красиво... Я до глубины души был потрясен зрелищем и, не мигая, ни о чем не думая, смотрел на эти чудеса. Занавес опускался, а я все стоял, очарованный сном наяву, сном, которого я никогда не видел, но всегда ждал его, жду и по сей день... И когда спектакль кончился, стали гасить огонь, мне стало грустно... Я снова воротился в театр и купил билет на вечернее представление».

Мальчик понимает, «что театр – это несравнимо интереснее балагана Яшки Мамонова», повзрослев, он признается, что театр «свел его ума, сделал почти невменяемым». На улице он подражает мимике актеров, дома пытается рассказать «об удивительной красоте людей в театре», но отец против этого увлечения: «В дворники надо идти, Скважина, в дворники, а не в театр! Дворником надо быть, и будет у тебя кусок хлеба... А что в театре хорошего?» Эта отповедь не помогает, Федя все чаще утаивает часть заработанных пением деньги,

чтобы купить театральные билеты. А потом в Казань приезжает опера: «Как певчий, я, конечно, не тем был изумлен, что люди – поют, и поют не очень понятные слова, я сам пел на свадьбах... но изумило меня то, что существует жизнь, в которой люди вообще обо всем поют, а не разговаривают, как это установлено на улицах и в домах Казани. Эта жизнь нараспев не могла не ошеломить меня. Необыкновенные люди, необыкновенно наряженные, спрашивая – пели, отвечая – пели, пели думая, гневаясь, умирая, пели сидя, стоя, хором, дуэтами и всячески!»

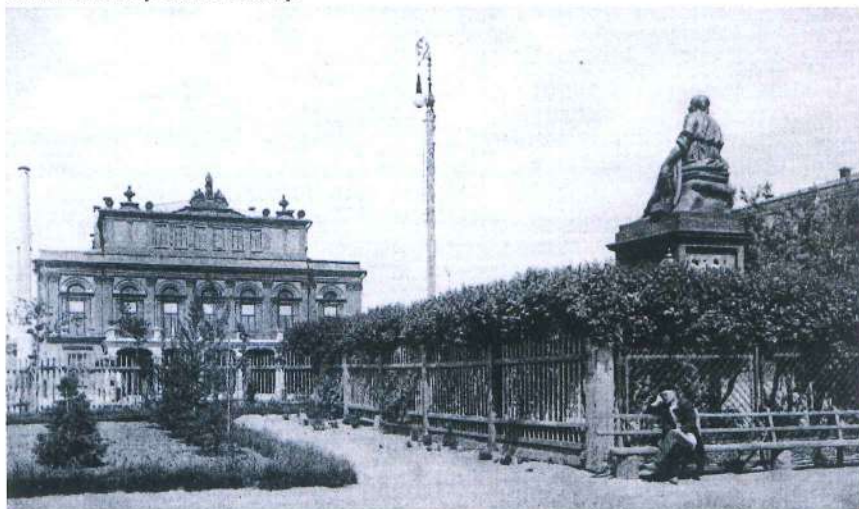
Дома все разговоры с родителями он превращает в пение, подобное оперному, и ошарашенный отец говорит матери: «Видала? Вот до чего они, театры, доводят». А Феде уже мало места на галерке, он проникает за кулисы и то, что происходит там, производит «чарующее впечатление, незабвенное во веки веков!» Его за-

мечают, предлагают за пять копеек побывать статистом в роли негра и замазывают лицо жженой пробкой. Так, «с копченой физиономией негра» он появляется дома, и отец снова порет его, приговаривая, что единственный его путь – в дворники.

Учебу Федор заканчивает в 13 лет «к удивлению родителей, даже с похвальным листом», полученным из-за того, что «немножко надул учителей». К выпускному экзамену он переписывает чей-то душещипательный рассказ о дедушке с внуком, выдает его за свой и получает «пятерку». Зато стихами Кольцова и Лермонтова он заслуженно покоряет сердца учителей: «Прочитал так, как читают стихи актеры в дивертисментах, – с жестами, завыванием и другими приемами настоящего искусства. В «Бородино» я спрашивал «дядю», а он мне отвечал настоящим дядиным голосом».

«Теперь ты грамотный! Надо работать. Ты вот по театрам шляешься,

Казанский городской театр

Казань. Панаевский сад.

Панаевский сад

книжки читаешь да песни поешь! Это надобно бросить», – заявляет отец и отправляет сына работать в ссудной кассе (ломбарде). Федор заполняет квитанции, через пару месяцев получает жалование в 8 рублей, гордится тем, что помогает семье, но служба ему «глубоко противна», все мысли – лишь о театре. В общем, из ссудной кассы он уходит, и отец посылает его в город Арск, в двухклассное училище с преподаванием ремесел. Решающую роль в этом выборе играет то, что в заштатном городке нет театра. Но и столлярное мастерство не прельщает Феде, он убегает, его ловят, в Казань он возвращается лишь из-за болезни матери и работает в земской уездной управе вместе с отцом.

А в одном из любимейших мест отдыха горожан, Панаевском саду – театр, и знакомый парень, играющий там маленькие роли, предлагает Федору пойти к антрепренеру, благосклонному к молодым. В хор его не принимают – «ломается голос», но дают небольшую роль жандарма во французской мелодраме «Бандиты». Репетиции совпадают с часами службы в управе, приходится отпрашиваться у бухгалтера, ссылаясь на головную боль, но, увы, первый блин – комом. Дебютант с треском проваливается: от волнения «ноги... вросли в половицы сцены, руки прилипли к бокам, а язык распух, наполнив весь рот, и одеревенел».

Астраханский театр «Аркадия»

«...ЭТОГО МАЛЬЧИКА НАДО ОСТАВИТЬ»

Из управы, как и из театра, он изгнан, удастся пристроиться писарем в судебную палату, но и оттуда выгоняют – Федор умудряется потерять сверток с документами. Теряет работу и отец – из-за ухудшившегося зрения делает ошибки, ссорится с начальством. Оставшись не у дел, он напивается почти каждый день, мать перебивается поденной работой у чужих людей, Федор, у которого «ломается» голос, уже не может петь дискантом в церковном хоре. Полуголодный, он тщетно ищет работу и, в конце концов, приходит к выводу: Казань – несчастливый для него город. Положение в семье настолько безысходное, что удается уговорить родителей пере-

ехать на юг – там тепло, жизнь может быть легче.

Так Шаляпины оказываются в Астрахани. По дороге туда, на пароходе, Федор впервые слышит о Кавказе, который станет для него стартовой площадкой в большое искусство: «Какой-то почтенный человек рассказал мне о Кавказе, о снеговых горах до небес, о жаре, о людях, которые даже летом ходят в бараньих папахах, спасаясь именно этим от жары. В рассказах было много странного, сказочного, и они вызвали у меня чувство радости: велика земля, есть куда деваться!».

Но и в Астрахани семья голодает. Отец с сыном никак не могут найти работу, мать печет и продает пироги с рыбой, с ягодами, моет посуду на пароходах и приносит оттуда обеды. Наконец выручает то, что голос Федора превращается в баритон – в одной из церквей удается заработать до полутора рублей за вечернюю службу. А в увеселительном саду «Аркадия»

Семен Семенов-Самарский

его берут петь в хор, правда, бесплатно, но он и этому рад – «все же, скрашивало невзгоды жизни». Однако принесенную домой партитуру «Кармен» отец разрывает в клочья: «Затем выгасил нас сюда, чтоб с голоду умирать? Тебе, дьяволу, кроме театров, ничего не надо – я знаю! Будь прокляты они, театры...».

Тогда Федор, вспомнив куплетистов и рассказчиков из Панаевского сада, решает повторить их на знаменитой Нижегородской ярмарке. Мать с отцом не противятся – «решили, что, пожалуй, лучше, если я уеду: одним ртом меньше, а пользы от меня не видать». И парень садится на буксир с караваном барж, по дороге подрабатывая разгрузкой арбузов и мешков с мукой. А на остановке в Казани он оставляет пожитки на пароходе и отправляется к друзьям. Впервые в жизни напивается с ними, участвует в массовой драке, ночует у товарища и... опаздывает на пристань: «Пароход ушел, а с ним и мои вещи: любимый Беранже, трио «Христос воскрес», сочиненное мною и написанное лиловыми чернилами, – все драгоценное, что я имел».

Приходится остановиться все у того же товарища и, после долгих поисков работы, снова стать писарем – в духовной консистории, органе управления епархией. А потом в Панаевском саду гастролитрует оперетта, и ее руководитель, бас-баритон Семен Семенов-Самарский, выступавший на сценах Одессы и Екатеринбурга, собирает хор для антрепризы в Уфе. Он прослушивает 17-летнего Шаляпина, прибавившего себе два года, определяет ему жалование в 20 рублей, а спустя 20 лет вспоминает: «В один прекрасный день утром кто-то постучался в мою дверь в Волжско-Камских номерах. Вошел молодой чело-

Ф. Шаляпин в Уфе

век, застенчивый, неуклюжий, длинный, очень плохо одетый – чуть ли не на босу ногу сапоги, в калошах... Хор у меня был уже сформирован, для Уфы он был даже слишком велик – человек около восемнадцати. Но Шаляпин произвел на меня удивительное впечатление своею искренностью и необыкновенным желанием, прямо горением, быть на сцене. Я... дал ему тут же лежавший у меня билет на проезд на пароходе Ефимова. Когда он получил этот билет, казалось, что в ту минуту не было на свете человека счастливее Шаляпина...».

В Уфе выясняется: с хористами «перебор», и Федор уверен, что «сократят» именно его, но хормейстер заявляет: «Нет, этого мальчика надо оставить. У него недурной голос, и он, кажется, способный». А на афише спектакля «Певец из Палермо» появляется, правда, мелким шрифтом, надпись: «Вторые басы: Афанасьев и Шаляпин». Помимо хора ролей нет. Федору, через месяц уже освоивше-

муся на сцене, дают произносить слова типа «кушать подано» и «человек из подземелья хочет видеть вас». Но он не огорчен: «Труппа и даже рабочие – все относились ко мне очень ласково, хорошо. Я так любил театр, что работал за всех с одинаковым наслаждением: наливал керосин в лампы, чистил стекла, подметал сцену, лазил на колосники, устраивал декорации. Семенов-Самарский тоже был доволен мною».

«ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЙ ЧЛЕН ТРУППЫ»

И тут судьба предоставляет Шаляпину тот самый шанс, который безвестного артиста делает успешным. За два дня до генеральной репетиции

Театр оперы и балета в Уфе

«очень несимпатичный дядя», сплетник и склочник с претенциозным псевдонимом Сценариус отказывается петь в опере Монюшко «Галька» одну из главных партий – Стольника. Мол, по контракту, он должен участвовать только в оперетте, но не в опере. Замены ему в этой басовой партии нет, и Семенов-Самарский неожиданно предлагает выступить Шаляпину. Тот «всю ночь провозился с нотами», на репетиции все поддерживают его, и спустя много лет он признается: «Это был единственный сезон в моей жизни, когда я не видел, не чувствовал зависти ко мне и даже не подозревал, что она существует на сцене».

Дебют в большой сольной партии проходит успешно, хотя один хорист, решив подшутить, отодвигает стул, и Федор падает. Кстати, с тех пор он всю жизнь проверяет на сцене, стоит ли стул в нужном месте. Но этот инцидент не портит впечатления, публика аплодирует вовсю... Затем – партия Фернандо в «Трубадуре», прибавление пяти рублей к окладу и, наконец, – неожиданное заявление антрепренера: «Вы, Шаляпин, были очень по-

Дом, в котором Шаляпин жил в Уфе

лезным членом труппы, и мне хотелось бы поблагодарить вас. Поэтому я хочу предложить вам бенефис... Выбирайте пьесу, и в воскресенье утром мы ее поставим. Вы получите часть сбора». Федор выбирает свою давнюю мечту – партию Неизвестного в «Аскольдовой могиле», которую всегда пел сам Семенов-Самарский. И получает после бенефиса солидное вознаграждение: 50 рублей, серебряные часы – от публики и 30 рублей от сбора. «Успех в Уфе окончательно укрепил во мне решение посвятить себя театру».

По окончании сезона антрепренер забирает его на концертное выступление в Златоусте – петь романсы. Оно проходит успешно, но приходится возвращаться в Уфу, где Федор чувствует себя «одиноким и грустно, как будто на кладбище». И тут местный кружок любителей искусства предлагает участие в спектакле-концерте, после которого – лестное предложение: остаться в Уфе, играть в любительских спектаклях и работать в

уездной земской управе, пока общественность не соберет ему деньги для поездки на учебу в Петербург. Так что вновь писарская работа: «Мне очень не хотелось служить в управе, но, соблазненный перспективой учиться, я снова начал переписывать какие-то скучнейшие бумаги неуловимого для меня смысла».

Однако такая жизнь продолжается недолго, она – не для Шаляпина. И начинающий певец, повидав в Самаре переехавших туда родителей, подавленный тем, что не может им помочь, колесит по городам и весям с украинской опереточной труппой Георгия Любимова-Деркача: Бузулук, Уральск, Оренбург, приволжский Петровск, дагестанский Темирхан-Шура (нынешний Буйнакск), туркменские Ашхабад, Чарджоу, Кызыл-Арват (сегодняшний Сердар) и Узун-Ада, узбекский Самарканд... «Мне поручали маленькие роли. Я был доволен этой быстро бегущей жизнью, только иногда сердце сжимала горячая тоска о чем-то». Потом труппа приезжает в

Уфимская губернская земская управа

Во время гастролей

Баку, и начинается закавказский период жизни Шалапина.

Перед тем, как узнать об этом периоде, вспомним обещание, данное в начале книги: рассказать о том, видели ли Шалапин и Горький до него, в Поволжье. Ведь они бывали в одно и то же время в одних и тех же местах. Вновь обратимся к написанному Федором Ивановичем очерку-некрологу «Об А.М. Горьком»:

«Для нас обоих неожиданно выяснилось, что мы встречались, не будучи знакомыми, в ранние годы и что жизнь наша похожа, а в некоторых случаях текла рядом... В то время, как я мальчиком был в Казани отдан в учение к сапожнику Андрееву, который жил на углу Малой Проломной улицы, Горький на другом углу параллельной Большой Проломной улицы в пекарне, не помню, как звали хозяйка, но находилась она под чайным

магазином Докучаева, — работал пекарем.... Когда позже, в начале семнадцатого моего года, я на буксирном пароходе пробирался из Астрахани на нижегородскую ярмарку и, будучи без всяких денег, вынужден был на остановках работать по грузке и выгрузке баржей... Алексей Максимович в это самое время также работал в самарском порту — в «портках», сшитых из двух мучных или овсовых мешков... Что же касается нашего экзамена в хористы, то правда, что оба мы откликнулись на призыв антрепренера Серебрякова к гражданам Казани пополнить его хор молодыми голосами, но и в это время мы не были знакомы. Горького приняли, а меня нет, потому, что он на четыре года старше: его голос сформировался, а мой еще ломался».

Так что вопрос закрыт: не были они знакомы в те годы, о которых идет рассказ.

М. Горький и Ф. Шалапин.
Карикатура. 1904

Театр Тагиева в Баку

«Я БЫЛ ТАК РАСТРЕПАН, ГРЯЗЕН...»

А в Баку внимание Шаляпина сразу привлекают афиши: в Тагиевском театре выступает французская оперетта под руководством некоей мадам Лассаль, а среди ее артистов – добрые старые знакомые, Семенов-Самарский с женой. Конечно же, хочется играть вместе с ними, а для этого надо уйти из украинской труппы Любимова-Деркача. Но стоит лишь заикнуться об этом, как на Федора гневно обрушиваются и руководитель

труппы, и его жена: «Мы хотели сделать из тебя человека, а что вышло? Что? Свинья вышла!» И это – при том, что Шаляпин признавался: «...Так как труппа относилась ко мне довольно равнодушно... я никогда не чувствовал, что из меня пытаются что-то сделать».

В общем, Любимов-Деркач отказывается вернуть ему паспорт, заявляя, что сделает это лишь в полиции. А полицию Федор попросту боится: «Признаюсь, мне стало жутко. Я знал, как обращаются с людьми в полиции. А тут еще, как будто в поучение мне, когда мы пришли в участок, там уже кого-то били, кто-то неистово призывал на помощь, умолял о пощаде. Я испугался и сказал хозяину, что паспорта мне не нужно, – я остаюсь в труппе. Мы возвратились в театр почти друзьями». Но дружбы не выходит.

Федор получает телеграмму о смерти матери, отец просит денег, а хозяин, узнав об этом, дает всего два рубля: «Довольно, мало ли, кто у кого умирает!» И Шаляпин перестает ходить на спектакли.

Когда украинская труппа уезжает, он остается в Баку без паспорта, без денег, но теперь уже может поступить в хор французской оперетты. Однако она совсем не так хороша, как кажется: «французов было человека три-четыре, а остальные евреи и земляки... дела оперетки шли из рук вон плохо», денег не платят. И все же спектакли продолжают, тем более

что «в Баку не очень строго относились к иностранным языкам, и чепуха, которую мы пели, добродушно принималась за чистейший французский язык». Единственное, что получает Шаляпин от администрации – драповое пальто на вате.

Когда оперетка вполне естественно разваливается, он остается на улице и продает это пальто, чтобы питаться хотя бы чаем и хлебом. А на дворе – уже зима. Приходится вместе с каким-то бывшим актером прибегать к прямому мошенничеству: нанимать комнату на сутки, ничего не заплатив, сбегать в другую гостиницу

Пристань компании «Кавказ и Меркурий» в Баку

Тифлисский вокзал в Баку

и повторять то же самое. Добром это не может кончиться, однажды хозяин номеров, поймав Федора, на двое суток запирает его – пока не заплатит. С трудом удается убежать через балкон и отправиться «в один из темных притонов города, где бывал и раньше в трудные дни». Там живет, поет для подозрительных оборванцев, и за это они его кормят. А потом предлагают поучаствовать в «деле»: стоять на «стреме», пока они будут грабить торговца. После этого Федор в притоне не появляется.

Жить снова не на что. Устроиться певчим в соборный хор не удастся – «я был так растрепан, грязен, что меня, вероятно, приняли за пьяницу и вора». Работу находит лишь на пристани «Кавказ и Меркурий»

– грузчиком, за 30 копеек в день. Но начинается эпидемия холеры, грузчики разбегаются и Шаляпин, вновь оставшийся не у дел, питается «почти исключительно морской опресненной водой, которую пил весь город». И тут происходит настоящее чудо: он находит узелок, в котором целых 80 копеек! Можно не только поесть, но и попытаться уехать из города.

Железнодорожный кондуктор берет с него до Тифлиса всего лишь 30 копеек. По словам Шаляпина, он оказался добрым малым, пустив его на тормозную площадку товарного вагона. И вот тут позволим себе сделать предположение, которое может оказаться не таким уж невероятным. Вообще-то, «добрые малые» среди железнодорожных кондукторов были

явлением столь же редким, как не берущий мзды городской или непьющий сапожник. Но именно в начале 1890-х был на Закавказской железной дороге действительно добрый тормозной кондуктор, которого начальство не раз штрафовало за провоз безбилетных пассажиров. И он не оспаривал этих штрафов, так как в данной им расписке можно прочесть: «...Обязуюсь подчиняться денежным взысканиям по службе, которые будут наложены на меня начальством железной дороги. Кондуктор Николай Пиросманишвили». А поезда в то время ходили не так уж часто, было их немного, и два пока еще непризнанных гения – живописи и вокала – вполне могли встретиться.

Но если такая встреча относится к разряду гипотетических, то встречи, подаренные Шаляпину Тифлисом, отражают вполне реальную действительность этого удивительного города. Давайте вместе убедимся в этом.

Первое фото Федора в Тифлисе

«ГОЛОДАТЬ В ТИФЛИСЕ ОСОБЕННО НЕПРИЯТНО...»

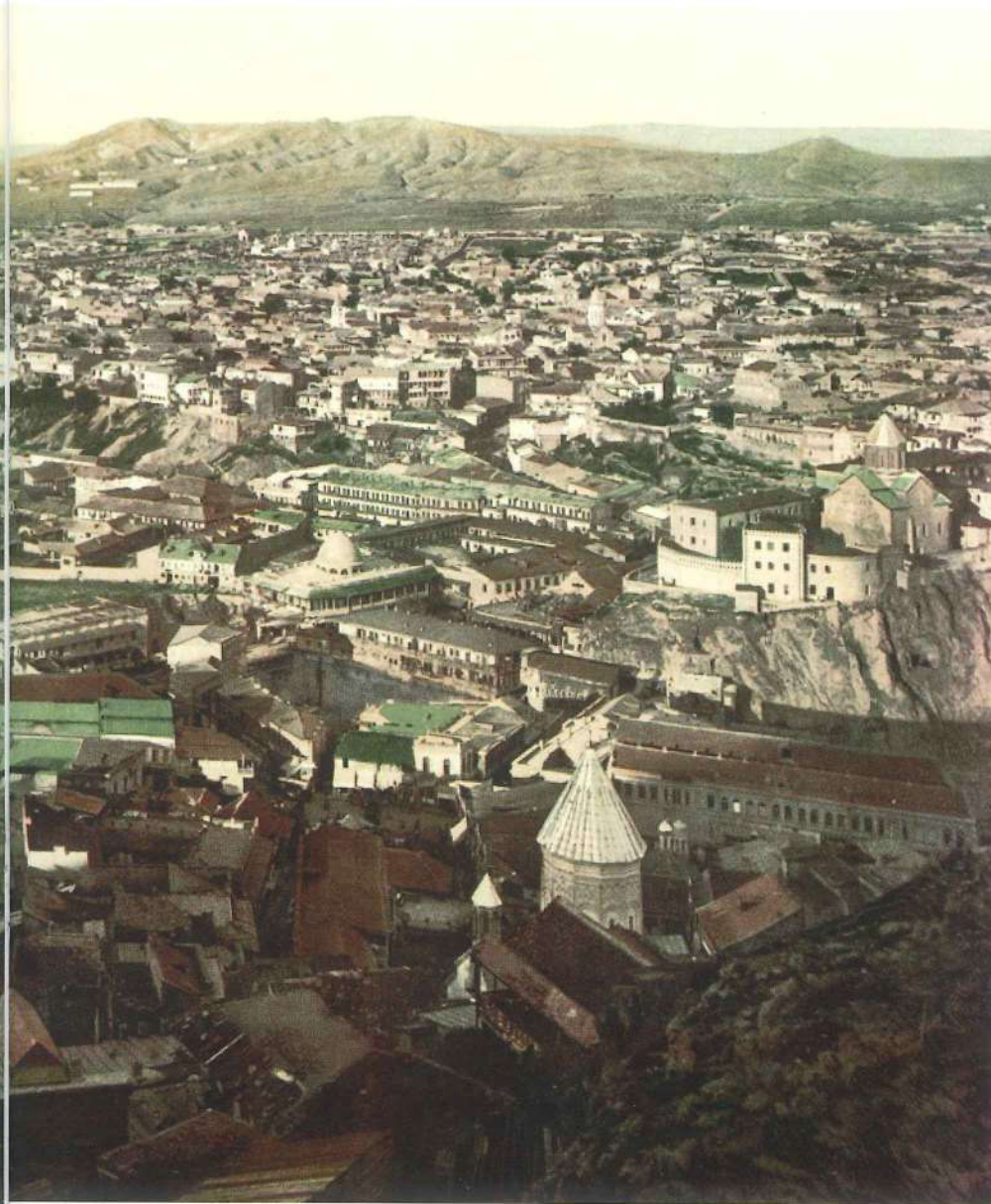

На дворе 1892 год. Первая же встреча в Тифлисе приносит удачу – с все тем же Семеновым-Самарским. Тот сообщает, что некий «офицер Ключарев» набирает оперную труппу для выступления в Батуми. В ней – несколько артистов, знакомых

по предыдущим поездкам, и Федор с радостью присоединяется к ним. Так начинаются выступления в городах Грузии. «...Опера приняла название итальянской, хотя итальянцев в ней было только двое: флейтист в оркестре и хорист Понтэ, мой знакомый по Баку, очень славный человек... я должен был переписать свою партию по-итальянски русскими буквами. Воображаю, как сладостно звучал итальянский язык в моих устах!», – улыбался Федор Иванович через много лет. Как бы то ни было, в Батуми и Кутаиси он поет в «Норме», «Жидовке», «Фаусте». «Прием публикой оказывается вполне сочувственный, сборы не оставляют желать лучшего», – констатирует батумская газета «Анонс» 24 марта 1892 года. А вот нам в этой истории стоит запомнить

Тифлис. Начало 1890-х

На этот вокзал в Тифлисе приехал Ф. Шаляпин

«очень милого человека» Понтэ — он еще сыграет огромную роль в судьбе Федя. Что же касается труппы, то ее сгубили оперные страсти, через край выплеснувшиеся со сцены — жена Ключарева бежала с одним из артистов и, по словам Шаляпина, «опера разлезлась».

Вернувшись в Тифлис, он поселяется в квартире с еще четырьмя хористами. Один из них «отличался изумительной способностью: куда бы он ни приезжал, он немедленно находил себе невесту, ежедневно посещал ее, пил, ел, а иногда, пользуясь правами жениха, занимал у родителей ее немножко денег». То же происходит в Тифлисе, и безработные хористы питаются тем, что он приносит от «невесты», тратят одолженные у ее родственников мелкие деньги. Но все это скоро кончается: «операция с невестой быстро расстроилась», «жених» исчезает, хористы, кроме Федора, где-то устраиваются, а он никак не может найти работу, даже физическую — с оборванцем не хотят разговаривать. Добрая хозяйка комнаты денег не требует, но неудачник не ест по несколько дней, забывается

в тяжелых снах, убеждая себя, что «когда спишь, не хочется есть». И вот — признание: «Голодать в Тифлисе особенно неприятно и тяжело, потому что здесь все жарят и варят на улицах. Обоняние дразнит разные вкусные запахи. Я приходил в отчаяние, в исступление, готов был просить милостыню, но не решался и, наконец, задумал покончить с собою. Я задумал сделать это так: войду в оружейный магазин и попрошу показать мне револьвер, а когда он будет в руках у меня, застрелюсь... Жить мне очень хотелось, но как тут жить?»

Он уже стоит перед магазином с оружием, когда его окликает тот самый Понтэ. Ответить на его вопросы Федор просто не может — он плачет. Итальянец отводит парня к себе, тот вдоволь наедается макаронами (первая еда за четверо суток!) и мысли о самоубийстве исчезают. А наутро на глаза попадает афиша, извещающая, что в Немецком саду состоится любительский спектакль. Этот сад на нынешнем проспекте Агмашенебели (тогда — Михайловском) сохранился и сегодня. Старшие поколения тбилисцев помнят его как сад имени Горь-

«...НО ТЕАТР — ПРЕЖДЕ ВСЕГО!»

Она предлагает поселиться у нее еще в те дни, когда он голодает, и оба быстро проедают ее небольшие сбережения, Мария закладывает одежду, простыни и, в конце концов, они оказываются в подвале за Казенным театром, «куда свет проникал только через стекло в верхней филенке двери». Федору «мучительно стыдно» жить за счет девушки, и он радуется работе в управлении железной дороги. Постепенно налаживается «семейная» жизнь — Мария готовит, прибирает и... каждый вечер напивается. Потом прячет водку под кровать и пьет, когда сожитель засыпает. «Так мы и жили жизнью, в которой было

Сад Ильи, бывший Немецкий сад

кого, нынешние — как Сад Роз, переименованный в Сад Ильи. Воспрянувший духом Федор отправляется в этот сад и встречается там с актером Охтиным, который предлагает спеть что-нибудь и объявляет, что даст ему русский народный костюм для выступления на открытой сцене.

Шаляпин получает 2 рубля за выходы на сцену два раза в неделю, поет в любительской постановке оперы «Наталка Полтавка». Не густо, конечно, но голодать уже не приходится. А потом, в том же саду — встреча со служащими управления Закавказской железной дороги. Федор развлекает их и анекдотами, за которые его угощают прямо со стола, и рассказывает о своей «запутанной жизни». Ну, какой же тифлисец не посочувствует такому рассказу! А тут еще выясняется, что парень знаком с канцелярской работой, и ему советуют попытаться счастья в бухгалтерии «железки». Он подает прошение и... в очередной раз становится писарем. С окладом в 30 рублей. Эти деньги весьма кстати — Федор живет уже не один, а с «хористкой Марией Шульц, очень красивой девушкой, но, к сожалению, великой пьяницей».

Коджори. Конец XIX века

кое-что приятное, но которую я не пожелаю даже и недругу». Тяготит и работа писаря — разве канцелярская рутина может радовать человека, уже познавшего запах кулис и сладость аплодисментов? Он очень тоскует по театру и сразу же откликается, когда ему предлагают спеть в Коджори.

В этот горный поселок над Тифлисом, ныне — пригородный курорт, отправляются восемь человек во главе с Карлом Вендом, «отличным хормейстером, хорошим человеком и отчаянным алкоголиком». Идут, естественно, пешком — откуда деньги на повозку? А о том, что было дальше, расскажет сам Шаляпин: «...Концерт не состоялся вследствие глубочайшего равнодушия коджорской публики и потому, что на несчастье наше небеса разразились каким-то доисторическим ливнем, ураганом, стихийным безобразием. Много я видел хороших дождей на своем веку, но никогда не испытывал такого ужаса! Валились

деревья, с гор текли пенные потоки, летели камни, ревел ветер, опрокидывая нас, с неба лились ручьи, чуть не в руку толщиной. Под этим ливнем мы возвращались в Тифлис, боясь опоздать на службу... Иногда приходилось становиться на четвереньки, чтобы ветер и вода не сбросили нас с дороги в пропасть». И все это, заметьте, на протяжении восемнадцати километров горной дороги, совсем непохожей на сегодняшнее Коджорское шоссе.

Это приключение завершается для Феда ознобом и болью в горле, в железнодорожном лазарете ставят диагноз: «дифтерит». Начинаются терзания: «пропадет голос», «Мария не знает, где я». Девушке посылается записка, но ее не пускают к больному, которого... практически не лечат: «В лазарете было мучительно скучно. Меня, кажется, забыли в нем. Доктор не приходил, и я валялся день за днем на койке, одетый в какой-то аре-

стантский халат. Хотелось есть, а мне давали только какой-то жиденький супец, хотя я чувствовал себя вполне здоровым». Узнав, что врач появится только через неделю, Шаляпин сбегает из лазарета. Но на службу его не пускают — стало известно о побеге, и приходится добиваться приема у доктора, признавшего его здоровым.

А потом — письмо от Семенова-Самарского: можно устроиться за сто рублей на вторые роли в опере Перовского в Казани. Да еще получить аванс на дорогу. Конечно, после всех своих злоключений Федор соглашается. Получает перевод в двадцать пять рублей, отказывается от службы и объявляет Марии, что уезжает: «Жалко было мне ее, очень жалко, но театр — прежде всего!» И они устраивают «прощальный пир, попивая какао и распевая песни».

Но тут, уже решившись на очередное изменение жизни, он вспоминает совет хваливших его голос сослуживцев и, в первую очередь, помощника

Дмитрий Усатов

начальника дороги, почетного старшины Тифлисского музыкального кружка П. Корша: серьезно учиться пению. А конкретно — у профессора Дмитрия Усатова. Трудно сказать, почему это вспомнилось. Может, задумался о том, как зазвучат в Казани арии в его исполнении. А Усатов прославился как педагог, готовящий оперных певцов, его ученики выходили на профессиональную сцену. И нам самое время познакомиться с человеком, которого Шаляпин называл своим единственным педагогом. Ведь ни до, ни после Тифлиса он вообще не учился пению, соответственно, учителей у него не было.

В прошлом известный тенор Дмитрий Усатов — ученик знаменитого бельгийского певца Камилло Эверарди, в расчете на которого Шарль Гуно написал партию Мефистофеля, и с которым Джакомо Россини готовил партию Фигаро. А сам Усатов прославился как первый исполнитель в Большом театре арий Ленского в «Евгении Онегине», Андрея в «Мазепе» и Вакулы в «Черевичках». Как певца и артиста его высоко ценил Петр Чайковский, посвятивший ему романс «Смерть» на слова Дмитрия Мережковского.

Завершив сценическую карьеру, Усатов переезжает в Тифлис — его жене врачи советуют жить на юге из-за состояния здоровья. Посвятив себя вокальной педагогике, бывший солист Большого театра организует в грузинской столице концерты своих учеников, пользующиеся большим успехом. А в 1892-м, в год появления Шаляпина, в Тифлисе создается Музыкальный кружок, и Дмитрий Андреевич преподает в нем пение, ставит отдельные акты из опер.

Тифлис. Конец XIX века

«ДЕНЕГ ЗА УЧЕНИЕ Я С ВАС НЕ ВОЗЬМУ»

И вот к этому мэтру является долговязый парень в странном наряде: на косоворотку надет кургузый пиджачок, брюки – в мелкую черно-белую клетку, на ногах – стоптанные остатки обуви. И при этом – в шляпе-канотье, дно которой держится на одной нитке. Его встречают «стая мопсов» и «человечек низенького роста, круглый, с закрученными усами опереточного разбойника и досиня бритым лицом». Именно таким запомнил Усатова певец в первую их встречу.

Узнав, зачем пришел гость, профессор ведет себя строго. Предлага-

ет неожиданное: «Ну, что ж, давайте покричим!», больно тыкает пальцем в бок за излишне высокую ноту, после прослушивания держит долгую, мучительную для Федора паузу. А когда тот не выдерживает: «Что же, можно мне учиться петь?», твердо отвечает: «Должно!» Сразу повеселевший гость говорит, что заработает в Казани денег и вернется, чтобы учиться, но в ответ слышит: «Бросьте все это! Ничего вы не скопите! Да еще едва ли и заплатят вам! Знаю я эти дела! Оставайтесь здесь и учитесь у меня. Денег за учение я не возьму с вас». «Я был поражен. Впервые видел я такое отношение к человеку», – признается Шалапин.

Вдобавок оказывается, что Усатов знаком с железнодорожным начальством, и молодой человек получает письмо с просьбой восстановить его на службе. Но место уже занято, и преподаватель преспокойно заявляет огорченному Федору: «Ну, что ж,

напишу письмо другому!» И отправляет его к тому, кого певец вспоминает, как «владельца какой-то аптеки или аптекарского склада, человека восточного типа». Прочитав письмо Усатова, этот человек интересуется, знает ли Федор какие-нибудь языки. Украинский ему не нужен, с латынью парень, естественно, не знаком. Тем не менее, резюме делается такое же ошеломляющее, как предложение Усатова: «Ну, вы будете получать от меня 10 рублей в месяц. Вот вам за два вперед!» – «А что нужно делать?» – «Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это по 10 рублей в месяц»... И при всем уважении к нынешним меценатам, признаемся, что не так уж часто можно услышать о них отзывы, равные шалапинскому: «Все это было совершенно сказочно. Один человек будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги!».

С этим «аптекарем», сыгравшем огромную роль в судьбе певца, мы еще встретимся. А пока вернемся к Усатову. Он советует снять комнату получше, взять напрокат пианино, и Шалапин, оставив у себя аванс из Казани, сообщает в оперу Перовского, что заболел и приехать не может. Предложение сменить жилье – как нельзя кстати. Дом, в подвале которого он живет с Марией, «густо набит странным сортом людей, которые интересовались всем, кроме себя самих». Они третируют странного для них молодого человека: «В дьякона бы тебя, чертов сын, а ты тут жить мешаешь всем, сволочь настоящая!» Живущая во дворе жена городового прямо обзывает Марию «кличкой, зазорной для женщины». Тут за Федором «не заржавело», он такое высказывает в ответ, что приходится драться с мужем обидчицы: «Хотя я

и очень боялся полиции, однако опыт казанских кулачных боев послужил мне на пользу, и городовик был по-срамлен мною».

Но с Марией живет все труднее. Она пропивает вещи, постоянно ссорится, пьяная пляшет в духане и злобно заявляет Федору, что, «когда мужчина пользуется ласками женщины, он должен платить ей за это», а голоштанник может убираться. Впрочем, после очередной ссоры, уезжает она сама – в Баку, навсегда. Шалапин огорчен: «Она была единственным человеком, с которым я мог поделиться и горем, и радостью... Нас, вероятно, связывала общность положения; но это все-таки была крепкая, дружеская связь. А кроме того, женщина всегда являлась для меня силой, возбуждавшей лучшее в сердце моем». И все же, несмотря на огорчение, для него наступает совсем другая жизнь.

В доме Усатова, где он занимается, все необычно: мебель, паркетный

Федор в студии Усатова

Бывшая Саперная улица, ныне - Табукашвили

пол, картины, отношения с преподавателем — «ученики, нисколько не стесняясь, хохотали при профессоре и его жене, рассказывали друг другу разные истории и вообще держались совершенно свободно, как равные». Держать себя так же он стесняется: «Был я тогда очень отрепан и грязноват и, хотя в баню ходил часто, но держать себя в чистоте не мог: у меня была одна рубаша, которую я сам стирал в Куре и жарил на лампе, чтоб истребить насекомых, прочно поселившихся в ней». В конце концов Усатов дает ему белье и носки, переделывает под него собственные костюмы и объясняет своим ученикам: «Это просто, неотесанный парень с чудесным голосом. Это будущая знаменитость. Помогите мне отшлифовать его, возьмите его к себе в компанию, займитесь им...».

«БЫСТРО ЗАВОЕВАЛ ЛЮБОВЬ ВСЕГО КЛАССА»

Что ж, молодежи делать это даже приятно — Федор сразу становится всеобщим любимцем. «Он был по природе весел и приветлив, а когда улыбался, то казалось, будто он весь так и светится», — вспоминает его соученица Мария Измирова. А это — воспоминания, написанные в Париже известной певицей Варварой Страховой-Эрманс.

вой-Эрманс, вместе с Шаляпиным дебютировавшей в тифлисском Казенном театре:

«...Мне, еще девочке, доставляло удовольствие разглядывать в окно прохожих; и вот однажды я заметила молодого человека необыкновенно высокого роста и одетого, хотя на дворе стояло лето, в очень тяжелое коричневое пальто. В руках он держал свернутые в трубочку ноты. Молодой человек остановился у крыльца домика напротив, и меня очень позабавило, что его голова была вровень с крышей крыльца. Не знаю почему, но мне очень понравился этот «верзила», и с тех пор я часто поджидала у окна, когда он зайдет в дом или выйдет оттуда. Наступила осень. Я окончила гимназию и стала учиться пению у преподавателя консерватории Д.А.

Варвара Страхова-Эрманс

Усатова. Как-то раз он задержал учеников... и предложил нам послушать новенького. «Он говорит, что у него баритон, — добавил Усатов, — но, по моему, это бас». Дверь отворилась, и к своему величайшему удивлению, я увидела того самого долговязого юношу, вызвавшего во мне любопытство и симпатию... Наш новый товарищ быстро завоевал любовь всего класса».

Под влиянием новых друзей Федор увлекается книгами, преображается и внутренне, и внешне, сам начинает пробовать себя в литературе. А вот с хорошими манерами удается не все, как свидетельствуют предания семьи профессора музыкального училища Франца Кесснера, жена которого была постоянной партнершей Шаляпина во время учебы. Заглянем в класс Усатова, куда обучающиеся пению дамы и барышни приносят не только ноты, но и купленные вскладчину подарки Феде на день его рождения. Это — галстук и золотая булавка

Церковь Св. Александра Невского, в которой Федор невольно нарушил ход службы

с жемчугом. А на оставшиеся деньги приобретены бутылка водки и колбаса. Когда обнова повязана смущающемуся виновнику торжества, его подталкивают к роялю, на котором – красивый пакет. Федор разворачивает бумагу, смеется, увидев водку, ловко закручивает бутылку «винтом». Потом, привычным ударом, вышибает пробку в потолок и раздается... «характерное бульканье и глотанье». Никто не замечает, что в дверях стоит «онемевший от беспредельного возмущения» Усатов. Вот тут-то всей компании и дается строжайший урок хорошего тона.

Такие уроки Усатов дает и лично Шаляпину, когда лишь его одного из всего класса оставляет у себя обедать. Поначалу Федор отказывается, боится опозориться: «На столе лежат салфетки, масса ножей, вилок, ложек. А кто знает, какая ложка для чего и что каким ножом нужно резать?» Тем не менее он все же оказывается за профессорским столом, не зная, как есть невиданные им кушанья: «Зрители смотрели на мои операции, молча, но

неодобрительно, я чувствовал это». А Усатов «с чарующей простотой» учит этикету: «Шаляпин, не надо шмыгать носом во время обеда... Если Вы будете есть с ножа, то разрежете себе рот до ушей... Сидеть за столом прямо, не трогать ножом рыбу». И со временем Федор уже ест, «не смущая соседей такими выходками, как, например, погружение пальцев в солонку или выковыривание ногтем мяса из зубов».

Корректируют его манеры и товарищи по учебе, среди них братья Корш – сыновья того самого заместителя начальника Закавказской железной дороги, который советовал писарю Шаляпину учиться пению. Два студента и два гимназиста договариваются с Федором, что будут щелкать портсигаром, если он, увлекшись разговором, «загнет» непечатное выражение или расскажет «анекдот сомнительного вкуса». Так что волжанину, который провел детство и юность в обстановке, далекой от салонной, приходится считаться с присутствием барышень из «хороших семей». Ко-

торые к тому же берут его с собой в оперу, на концерты, спектакли грузинской, армянской, русской трупп. И постепенно уходят его развязность, тяга к «загулам».

Ну, а еще одно нарушение Шаляпиным «бонтона» особого возмущения не вызывает. Скорее, наоборот. Федор приходит разговестись на пасху в особняк Кесснеров на Михайловской (ныне – Иванэ Джавахишвили) улице. А рядом, на углу с Кирочной

(Марджанишвили) – церковь Святого Александра Невского. Все вокруг нее заполнено народом – идет пасхальное песнопение. И тут Федя начинает подпевать дьякону своим могучим басом, да так, что в канделябрах звенят хрустальные подвески. Негодования это не вызывает, но в храме многих отвлекают от службы поиски второго голоса в необычном дуэте... Впрочем, в эту церковь певец приходит и позже, чтобы выступить уже официально – на вечере действующей при ней приходской школы.

«ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПО СТИЛЮ И УКРАШЕНИЯМ ДОМ»

Очередная встреча в музыкальном мире Тифлиса приносит Шаляпину первую большую любовь. Усатов отправляет его знакомиться с кружком любителей музыки в доме Аршакуни на Грибоедовской улице (сейчас там Тбилисская Академия художеств). И вот тут, после того, как назван этот адрес, необходимо дать пояснение, в первую очередь – биографам великого певца и историкам музыки. Несомненно, оно может вызвать немало возражений, потому что рискну исправить самого Федора Ивановича, а за ним – и всех искусствоведов, опирающихся на его воспоминания. Но факты – есть факты.

Дело в том, что Шаляпин в своих мемуарах ошибся в двух очень похожих армянских фамилиях, и во всех материалах о его тифлисской жизни это здание стало фигурировать как «дом Арцруни». На самом деле его строил для себя на Грибоедовской улице (но так и не увидел его, скончавшись в 1862-м, до завершения строительства) богатый купец, почетный горожанин Вардан Аршакуни. И именно там до 1886 года располагался музыкальный кружок, в который пришел молодой певец. Здание было одним из красивейших в городе. Путешественник Андрей Андреев во втором издании своей книги «От Вла-

Дом Аршакуни

дикавказ до Тифлиса», выпущенном в грузинской столице в 1895-м, среди лучших построек города во второй половине XIX века называет «оригинальный по стилю и украшениям дом Аршакуни на Грибоедовской ул., в котором, несмотря на его сильную ветхость, помещается «Музыкальный кружок». В начале 1900-х этот дом купили князя Кобулашвили.

Что ж, ошибиться в схожих и непривычно звучащих для русского человека фамилиях Шалапина, далекому от нюансов кавказского быта, было нетрудно. К тому же фамилия Арцруни много лет была в Тифлисе на слуху и остается знаковой в сегодняшнем Тбилиси: этому роду принадлежали два крупных караван-сарая. Один в 1818 году Геворг Арцруни перестроил из здания, которым владели сначала царь Ростом, а

потом — епископ Тбилели. Он — рядом с Сионским собором, сейчас в нем — Музей истории Тбилиси «Карвасла». Второй, громадный караван-сарай, построенный Еремией Арцруни на Дворцовой улице (ныне — начало проспекта Руставели), с годами был передан грузинскому дворянству. В нем размещались земельный банк, драматический театр (впоследствии — Театр имени Грибоедова, в новом облике находящийся там и поныне), ресторан, пассаж с магазинами, коммерческие конторы. Его-то многие и называли «домом Арцруни», а сегодня на его месте — торговый центр Galleria Tbilisi.

И ни в одном из этих зданий, принадлежавших людям с фамилией Арцруни, не было никаких любительских музыкальных кружков.

Ольга Михеева

«АХ, ОЛЬГА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ»

После этого экскурса в тифлисскую историю вернемся на Грибоедовскую улицу. В доме Аршакуни, на одном из концертов, Федор видит, как поет «барышня в пенсне, с черными глазками, задорно вздернутым носиком, одетая в какое-то воздушное платье». Девушка кажется ему неземной красавицей, выступая на другом концерте, он поет уже специально для нее «Любви все возрасты покорны». Потом они танцуют... «Если

б она предложила мне проводить ее пешком из Тифлиса в Архангельск, я, конечно, согласился бы; если б я знал, где она живет, я ходил бы под ее окнами. Я был влюблен со всею силой юности», — со временем признавался певец.

Конечно же, он узнает не только ее адрес. Барышню зовут Оля Михеева, училась в Петербургской консерватории, не только певица, но и аккомпаниаторша кружка. Она — дочь присяжного стряпчего (адвоката в коммерческом суде), живет в маленькой квартире с матерью, мечтающей выдать дочь за богатого человека. Однако дочь встречается с Шалапиным и признается ему, что у нее был роман с человеком, который написал ее любимый романс «Пльиви, моя гондола». Встреч все больше и больше,

певец дарит Ольге свою фотографию с надписью: «Дорогой, любимой на добрую память о преданном и любящем Федоре Шаляпине. Ах, Ольга, я тебя люблю. Евгений Онегин».

А потом происходит чисто водевильная сцена: влюбленные пьют чай в доме Михеевых, когда из-за шкафа появляется мать Ольги, начинающая... колотить их стулом, Девушка не пытается объясниться с родительницей, а кричит, что Федору надо уйти. Всю обратную дорогу он хохочет — от нервного напряжения, «и было мне жалко, до слез жалко любовь мою за то, что в нее вторгается пошлость». Он уверен, что Оля все же уйдет к нему, он пишет ей письма о том, что они сумеют прожить на 35 рублей в месяц.

Но ответа нет. К его недоумению дочь с матерью мирятся, он снова бывает у них, но... «Юношеский романтизм мой заволокло серое облако каких-то сомнений и подозрений».

И все же любовь не сходит на нет. Вот что последним запоминается Шаляпину в Тифлисе, когда он уезжает в Россию, навстречу славе: «Пришла на станцию Ольга с матерью. Я начал уговаривать ее ехать со мною. Она отказалась. Ее отношения ко мне давно уже приняли характер того любопытства, с которым смотрят на акробата в цирке: свернет он себе шею в этот вечер или завтра. Я чувствовал это обидное отношение, но все-таки любил девушку. И когда лошади потащили нас вдоль Ольгиной улицы на Военно-Грузинскую дорогу, сердце мое мучительно сжалось».

У этой истории есть продолжение. В своих воспоминаниях Федор Иванович не указывает фамилии Ольги — только имя. А она прочтет мемуары, опубликованные через 34 года после их встречи, и ей очень не понравится, как представлены там и она, и их отношения. Ведь, несмотря на всю свою влюбленность, Шаляпин пишет, что взгляд у нее был гордый и выражающий презрение. Что аккомпанируя, она «специально фальшивила», дабы путать его. Что швырнула в него коробку конфет, «как в собаку», что не чувствовала «себя ближе к нему», а в ее матери «было что-то странное и, пожалуй, противное»... Кстати, Ольга Петровна выполняет желание матери — выйдет замуж за богатого человека, владельца типографии. Она всю жизнь проживет в Тбилиси, будет преподавать в консерватории и умрет в 1953-м, через 60 лет после встречи с Шаляпиным.

«С ИСКРЕННЕЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ Ф. ШАЛЯПИН»

Но не только возлюбленной дарит Шаляпин свою фотографию с надписью, как теплое воспоминание о Тифлисе. Ее получит и «человек восточного типа», поддержавший молодого певца в трудные для него дни. Это — Константин Алиханов, действительно владевший аптекарскими складами. Но главным в его жизни была музыкально-общественная деятельность. Пианист, окончивший в Петербурге университет и консерваторию, еще в 1873 году открыл первое музыкальное учебное заведение Тифлиса — курсы, со временем превратившиеся в училище, а затем и в консерваторию. Он свыше десяти лет возглавлял это училище, был одним из учредителей и многолетним руководителем Тифлиского отделения Русского музыкального общества. Коммерцией занялся незадолго до появления Шаляпина, и значительная часть доходов шла на бескорыстную поддержку начинающих музыкальных талантов.

Правда, может показаться странным, почему в своих воспоминаниях великий артист называет благодетеля просто аптекарем восточного типа. Скорее всего, это — желание передать то давнее, первое восприятие. Ведь позднее Федор Иванович благодарно вспоминал: «В самый тяжелый момент жизни, когда передо мной стоял вопрос продолжить учиться или навсегда бросить мысли о сцене,

Константин Алиханов

Усатов направил меня к Алиханову, который принял в моей судьбе горячее участие и дал возможность продолжить учебу. Если бы ни поддержка Алиханова, и доброта Усатова, ни доброжелательность Корганова... — я бы так и остался никому не известным хористом». И когда они вновь встречаются почти через год, «аптекарю» дарится фото с надписью: «Добрейшему Константину Михайловичу Алиханову с искренней благодарностью Ф. Шаляпин 17.02.95 г.».

А кто же это — Корганов, названный певцом в одном ряду с Усатовым и Алихановым? Этот уроженец Тифлиса — воистину удивительный человек. Оканчивает Николаевское Военно-инженерное училище в Пе-

Так что вернувшись в Тифлис, он уделяет внимание не только службе во Втором Кавказском саперном батальоне, но и искусству, и становится ведущим музыкальным критиком Грузии. Шаляпин, который «знал, что это был офицер-сапер, знаток и любитель музыки», встречается с Коргановым, когда приобщается Усатовым к музыкальной жизни города. И знакомится, говоря по-современному, со знаковыми фигурами того времени – пианистом Алоизием Мизандари, режиссером Исаем Питоевым, драматургом Габриелом Сундукяном...

Фотография Ф. Шаляпина, подаренная К. Алиханову

Василий Корганов

тербурге и навсегда «заболевает»... музыкой. Что, впрочем, неудивительно. Еще в родном городе Тифлисе он занимался с первым в Грузии фортепианным педагогом профессионального уровня Эдуардом Эпштейном, изучал теорию музыки у своего однофамильца, выпускника Лейпцигской и Санкт-Петербургской консерваторий Генария Корганова и у все того же Алиханова. А в военном училище кафедры фортификации возглавляет Цезарь Кюи, вошедший в историю как композитор – член «Могучей кучки». Через него Василий Корганов попадает в музыкальный мир столицы, знакомится с композитором, пианистом и педагогом Антоном Рубинштейном...

«О, ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ДАЛЕКО ПОЙДЕТ»

Усатов точно определил, как поддерживать в естественных границах шаляпинский голос, и восполнил пробел в его постановке, научив опирать звук на дыхание, словно смычком, проводить дыхание по голосовым связкам, извлекать звуки самого разнообразного тембра, чтобы каждая нота была одинаково слышна, независимо от протяженности. Он учил не просто пению, а искусству оперного певца, дал первые представления о театральной мизансцене и актерской игре в оперном спектакле, предлагал вдумываться в смысл каждой спетой фразы и делать выражение лица, глаз и губ в соответствии со спетым, так как на сцене необходимо жить, а не только петь. Показывая, что и как надо делать, Усатов сам демонстрировал выразительную мимику и «игру телом». Повзрослев, Шаляпин, подытожил:

«Он пробудил во мне первые серьезные мысли о театре, научил чувствовать характер различных музыкальных произведений, утончил мой вкус и – что я в течение всей моей карьеры считал и до сих пор считаю самым драгоценным – наглядно обучил музыкальному восприятию и музыкальному выражению исполняемых пьес... Его учение западало мне глубоко в душу... Я, прежде всего, стал понимать, что мое увлечение уфимским искусством, как и то счастье, которое оно мне давало, были весьма легковесны. Я начал чувствовать,

Корганов с женой тоже поддерживает начинающего певца и, главное, своими рецензиями помогает ему совершенствоваться на оперной сцене. А его «Элегия» навсегда входит в репертуар Федора Михайловича. Они станут друзьями на всю жизнь, Корганов приедет к нему в Петербург, они часто будут переписываться...

Однако, по собственному признанию Шаляпин, «увлеченный работой в кружке и переживая волнения влюбленности», не так, как прежде усердствовал на занятиях у Усатова и «частенько выучивал уроки не очень твердо». А строгий профессор не очень церемонится с учениками. Если он дирижерской палочкой достает из банки нюхательный табак, или закуривает толстенную папиросу, это – явные признаки недовольства. В такие моменты он позволяет себе даже поколотить Федора. Тот получает кулаком в грудь, не сумев понять, что призыв: «Опирайте, черт вас возьми!» означает, что надо опирать звук на дыхание и концентрировать его. Федор, не выучив урок, подсматривает в ноты, и профессор берет в руки палку: «Лодырь, лодырь, ничего не делаешь!» Когда такое повторяется уже не раз, Шаляпин отодвигает от стены фортепьяно и прячется там: «Он был толст и не мог достать меня, только кричал и топал ногами». После появления из укрытия нерадивый ученик снова получает палкой, и урок продолжается. «Впоследствии, встречаясь с ним, мы вспоминали эти уроки палкой и оба хохотали, – писал Шаляпин. – Хороший человек был мой учитель!» И это воистину так. Единственный в жизни учитель дает певцу первое и последнее в его жизни образование.

Сад АРТО

что настоящее искусство вещь очень трудная».

Если мы заглянем в будущее, то увидим: связь между ними не прерывается и после того, как Шаляпин выступает уже далеко от Тифлиса, а его учитель в 1902 году переезжает в Ялту, становится там членом городской думы. Когда через 11 лет после переезда, Усатов умирает, и у его вдовы появляются затруднения с деньгами, Федор Иванович помогает ей до самой ее смерти. Наверное, в этом – не только прирожденный дар быть благодарным, но и часть тепла тифлисских стен.

А тогда, в начале 1890-х, имя Шаляпина становится известным всей музыкальной общественности Тифлиса – после выступлений в зимнем помещении Музыкального кружка и в саду Тифлисского артистического

общества (АРТО) на Михайловском проспекте. На всевозможных вечерах и концертах он поет сольные арии и романсы, участвует в сценах из опер, в квартетах и уже имеет почитателей. Константин Алиханов говорит собравшимся в доме Сундукяна: «О, этот человек далеко пойдет». А на репетиции «Севильского цирюльника» повторяется практически то же самое, что и в Уфе у Семенова-Самарского. Постановщик спектакля Усатов ссорится с исполнителем роли Базилио, тот уходит со сцены. На репетиции присутствует весь класс, и профессор обращается в зал: «Федя, ты знаешь роль дона Базилио?» – «Да, вроде». – «Можешь репетировать прямо сейчас?» – «Пожалуй». – «Тогда на сцену»... И на следующий день после премьеры, в газете «Кавказ» от 21 марта 1892 года можно прочесть

Дом Д. Усатова в Ялте

отклик Корганова: «В общем, ученик, исполнивший роль дона Базилио, провел ее без того балаганного шаржа, которым некоторые исполнители срывают аплодисменты райка».

Проходит месяц, и Шаляпин окончательно покоряет тифлисскую публику – когда Усатов, старающийся привить ученикам свою любовь к русским композиторам, ставит третий акт оперы Александра Даргомыжского «Русалка». После исполненной им партии Мельника молодой певец открывает «Кавказ» и читает, что Корганов сравнивает его со знаменитым басом Мариинского театра Осипом Петровым. И еще: «Игра и пение г. Шаляпина в партии Мельника (III акт «Русалки») не оставляли желать лучшего; соответствующий тембр голоса, прекрасная мимика, обычное злорадство в манере пения – все это способствовало ему представить такого озлобленного, сумасшедшего мельника, которого трудно найти на лучших оперных сценах».

«КАКОЙ КАРОШИ КОЛОС У ЭТОТ МОЛОДОЙ МАЛЬШИК!»

Такого Шаляпин не ожидает, хоть и верит в себя (иначе – для чего все усилия?): «Прочитав заметку, я с трепетом душевным почувствовал, что со мной случилось что-то невероятное, неожиданное, чего у меня и в мечтах не было. Я, пожалуй, сознавал, что Мельник спет мной хорошо, лучше, чем я когда-либо пел, но все-таки мне казалось, что заметка преувеличивает силу моего дарования. Я был сму-

Виктор Форкатти

Владимир Любимов

щен и напуган этой первой печатной похвалой. Я понимал, как много от меня потребуется в будущем. Усатов тоже хвалил меня. – Ну, что, лодырь? – говорил он, похлопывая меня по плечу. – То-то, вот! Вот так-то! Я не решался сказать ему, что читал заметку Корганова». Но на лаврах этой роли он не поживает, усложняя репертуар концертов, организуемых Музыкальным кружком: отрывки из «Роберта Дьявола» Мейербергера, Мефистофеля

из «Фауста»...

Между тем проходит уже год с того дня, когда Федор начал учиться, и в сентябре 1893-го Усатов организует ему бенефисный концерт. В большой программе, помимо Мельника и Мефистофеля, – русские романсы. Отзыв в «Тифлисском листке» – восторженный: «Голос бенефицианта... звучал превосходно, производя на зрителей приятное впечатление своей свежестью и мягкостью тонов при значительной силе и хорошей фразировке. Играет молодой артист неуверенно, порывисто, нервно, но держит себя на сцене достаточно свободно. Видевшие и слышавшие г. Шаляпина зимой были приятно поражены теми успехами, которые сделал он за это короткое время. Нет сомнения, что при дальнейшей его работе над своим голосом из г. Шаляпина выработается очень и очень недурной исполнитель

Федор Шаляпин и Павел Агнивцев

оперных ролей; для этого он обладает всеми данными: звучным, сильным голосом, музыкальным ухом, хорошими задатками драматического таланта и, что всего важнее, молодостью».

А тут по городу распространяется взволновавшее Шаляпина известие: с осени 1893-го помещение Казенного театра арендует оперная труппа Любимова и Форкати. Обе эти фамилии – псевдонимы. Любимов – вовсе не тот Деркач, что отобрал у Федора паспорт, его зовут Владимир Брантгендлер, он – выпускник Московской консерватории, пел партии тенора и баритона, потом стал антрепренером и колесит по Российской империи. Настоящая фамилия Форкати – Виктор Людвигов, он – артист, режиссер и антрепренер провинциальных трупп, впоследствии – актер знаменитого московского Театра Корша. Словом, оба – настоящие профессионалы, у их антрепризы – хорошая репутация. И Федор советуется с Усатовым – не наняться ли ему в их труппу? Педагог поддерживает любимого ученика: «Отчего же нет? Попробуем! Надо выучить несколько опер. «Русалка» и «Фауст» – это ваши кормильцы, так и знайте. Надо еще выучить «Жизнь за царя».

Полный надежд Федор усердно выполняет совет профессора, однако, первый блин – комом. Любимов приходит к Усатову прослушать его воспитанников, но Шаляпин нравится ему меньше, чем соученик и друг Павел Агнивцев. С этим баритоном, оставившем службу в Мингрельском полку ради искусства, и заключается контракт на 250 рублей в месяц. Шаляпин в унынии: «Далек еще я от того, чтоб играть на сцене». Но кто-то из его почитателей советует Любимову опять послушать молодого певца – в любительском кружке. И на этот раз

Джузеппе Труффи

решение положительное. Антрепренер предлагает Федору 150 рублей в месяц. А тот был согласен и на половину этой суммы...

Вскоре на одной из репетиций в Казенном театре Шаляпин слышит, как дирижер Джузеппе Труффи, которого все называют русским именем Иван, говорит кому-то: «Какой кароши колос у этот молодой мальшик!» Ни обрадованный Федор, ни автор тех слов не подозревают, что тифлисская встреча – начало их будущей дружбы. С 1899 по 1913 годы, возглавляя симфонический оркестр на Кавказских Минеральных Водах, дирижер будет часто приглашать Шаляпина выступить на этом курорте, переполненном публикой из «высшего света». И они настолько сблизятся, что Труффи, решив похвалить Федора Ивановича, будет восклицать: «Шаляпочка, это гениально», а разозлившись, будет звать «Чертом Ивановичем». Тот, в свою очередь, придумает имя «Труффочка» и на репетициях станет давать шуточные указания: «Помедленнее, не спеша... Поезд отходит еще не скоро».

Казенный театр в Тифлисе

«Г-Н ШАЛЯПИН ИМЕЕТ БОЛЬШОЙ УСПЕХ»

На сцене тифлисского Казенного театра Федор и его друг Агнивцев дебютируют вместе 28 февраля 1893 года в «Аиде». Но первый отклик в прессе — не о его мастерстве, а на

мелкий инцидент с его участием: исполнительница партии Амнерис цепляется платьем за декорацию, Шаляпин в роли верховного жреца помогает ей, приподняв шлейф. И некий рецензент указывает: «недопустимо, чтобы верховный жрец носил шлейф Амнерис». Впрочем, в «Тифлисском листке» — рецензия уже по делу: «Совершенно неожиданно весьма сносными исполнителями оказались новички оперной сцены г. Агнивцев (Амонасро) и г. Шаляпин (Рамфис), ученики г. Усатова, известные нам уже по концертам. Оба они пели и держались на сцене весьма прилич-

но, хотя, конечно, нельзя и требовать от них полного знакомства со сценой — спокойного владения своими голосовыми средствами и игрой... Театр был переполнен».

После этого весь басовый репертуар Казенного театра доверяют Шаляпину, и, неожиданно для себя, он занимает в труппе «первенствующее положение». Слово — ему самому: «Я готовил роли, как блины пек. Бывало, сегодня назначат роль, а завтра ее надо играть. Если б у меня еще раньше не образовалась известная привычка к сцене, уменьше держаться на ней, напряженная, спешная работа была бы, наверное, и мучительна, и пагубна для меня. Но я был уже давно «театральным человеком». У меня выработалась способность не теряться на сцене, и я слишком любил свое дело для того, чтобы относиться к нему легкомысленно. И хотя у меня не было времени изучать новые роли, я все-таки учил их на ходу, по ночам. Каждая роль брала меня за душу».

Все это время он продолжает ходить к Усатову, который по-прежнему и хвалит, и распекает его: «Я всегда внимательно и с любовью слушал поучения этого человека, который, вытащив меня из грязи, бескорыстно отдавал мне свой труд, свою энергию и знания». А газеты продолжают хвалить, и, что, немаловажно, среди них, как сказали бы в советское время, столичный орган — «Московская театральная газета». Ее корреспондент под псевдонимом Бебе пишет: «Перед удивленными глазами наших меломанов, помнивших Шаляпина-хориста, ученика, явился Шаляпин-артист в полном значении этого слова. Г-н Шаляпин имеет большой успех, и, если он не остановится на пути артистического развития, увлекшись легко доставшимися лаврами, то в недале-

№ 96. Телефон № 6

18 94

ТИФЛИССКИЙ КАЗЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

АНТРЕПРИЗА В. Л. ФОРКАТТИ.

Въ Среду, 16-го Февраля,
ВЪ БЕНЕФИСЪ КОНЦЕРТМЕИСТЕРА
В. Б. ШТОКЪ,
съ благосклоннымъ участіемъ
Н. А. ПАПАИЪ, Н. Д. КОВАЛЕНСКАГО И ДРУГ.
ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ:

РЫГОЛЕТТО

Опера въ 4-хъ актѣхъ, въ 5-ти картинахъ.

г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ
г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ
г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ
г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ	г. КОНОПЦОВЪ

Директоръ: буфетъ Г. А. ТРУФФИНЪ

КОНЦЕРТНОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

Участіище: г-ни Папаянъ, Фингертъ, и Кошнеръ, гг. Агулаги, Люблинскіи, Давидъ и Шаляпинъ.

Ассамблея буфетъ В. Б. ШТОКЪ.

Почасъ спектакля по афишѣ.

Начало ровно въ 7¹/₂ час. веч., конецъ около 11¹/₂ час. вечера

Въ куплѣ билетовъ можно заблаговременно дать предлогъ. Билеты берутся въ предоплату.

ЦѢНА МѢСТАМЪ съ окончаніемъ оперы: 1-го класса 10 р. 2-го 8 р. 3-го 6 р. 4-го 4 р. 5-го 3 р. 6-го 2 р. 7-го 1 р. 8-го 1 р. 9-го 1 р. 10-го 1 р. 11-го 1 р. 12-го 1 р. 13-го 1 р. 14-го 1 р. 15-го 1 р. 16-го 1 р. 17-го 1 р. 18-го 1 р. 19-го 1 р. 20-го 1 р. 21-го 1 р. 22-го 1 р. 23-го 1 р. 24-го 1 р. 25-го 1 р. 26-го 1 р. 27-го 1 р. 28-го 1 р. 29-го 1 р. 30-го 1 р. 31-го 1 р. 32-го 1 р. 33-го 1 р. 34-го 1 р. 35-го 1 р. 36-го 1 р. 37-го 1 р. 38-го 1 р. 39-го 1 р. 40-го 1 р. 41-го 1 р. 42-го 1 р. 43-го 1 р. 44-го 1 р. 45-го 1 р. 46-го 1 р. 47-го 1 р. 48-го 1 р. 49-го 1 р. 50-го 1 р. 51-го 1 р. 52-го 1 р. 53-го 1 р. 54-го 1 р. 55-го 1 р. 56-го 1 р. 57-го 1 р. 58-го 1 р. 59-го 1 р. 60-го 1 р. 61-го 1 р. 62-го 1 р. 63-го 1 р. 64-го 1 р. 65-го 1 р. 66-го 1 р. 67-го 1 р. 68-го 1 р. 69-го 1 р. 70-го 1 р. 71-го 1 р. 72-го 1 р. 73-го 1 р. 74-го 1 р. 75-го 1 р. 76-го 1 р. 77-го 1 р. 78-го 1 р. 79-го 1 р. 80-го 1 р. 81-го 1 р. 82-го 1 р. 83-го 1 р. 84-го 1 р. 85-го 1 р. 86-го 1 р. 87-го 1 р. 88-го 1 р. 89-го 1 р. 90-го 1 р. 91-го 1 р. 92-го 1 р. 93-го 1 р. 94-го 1 р. 95-го 1 р. 96-го 1 р. 97-го 1 р. 98-го 1 р. 99-го 1 р. 100-го 1 р.

НА КАРТАХЪ ВЪ НА СЦЕНУ ВХОДЪ ПОСТОРОННИМЪ ЛИЦАМЪ БЕЗУСЛОВНО ВОСПРЕЩЕНЪ.

Программы раздаются въ началѣ и у концертмейстера при входѣ на 10 мин.

Начало спектакля въ 10 ч. 15 мин. до 2 ч. дня и 8 час. веч. до окончанія спектакля.

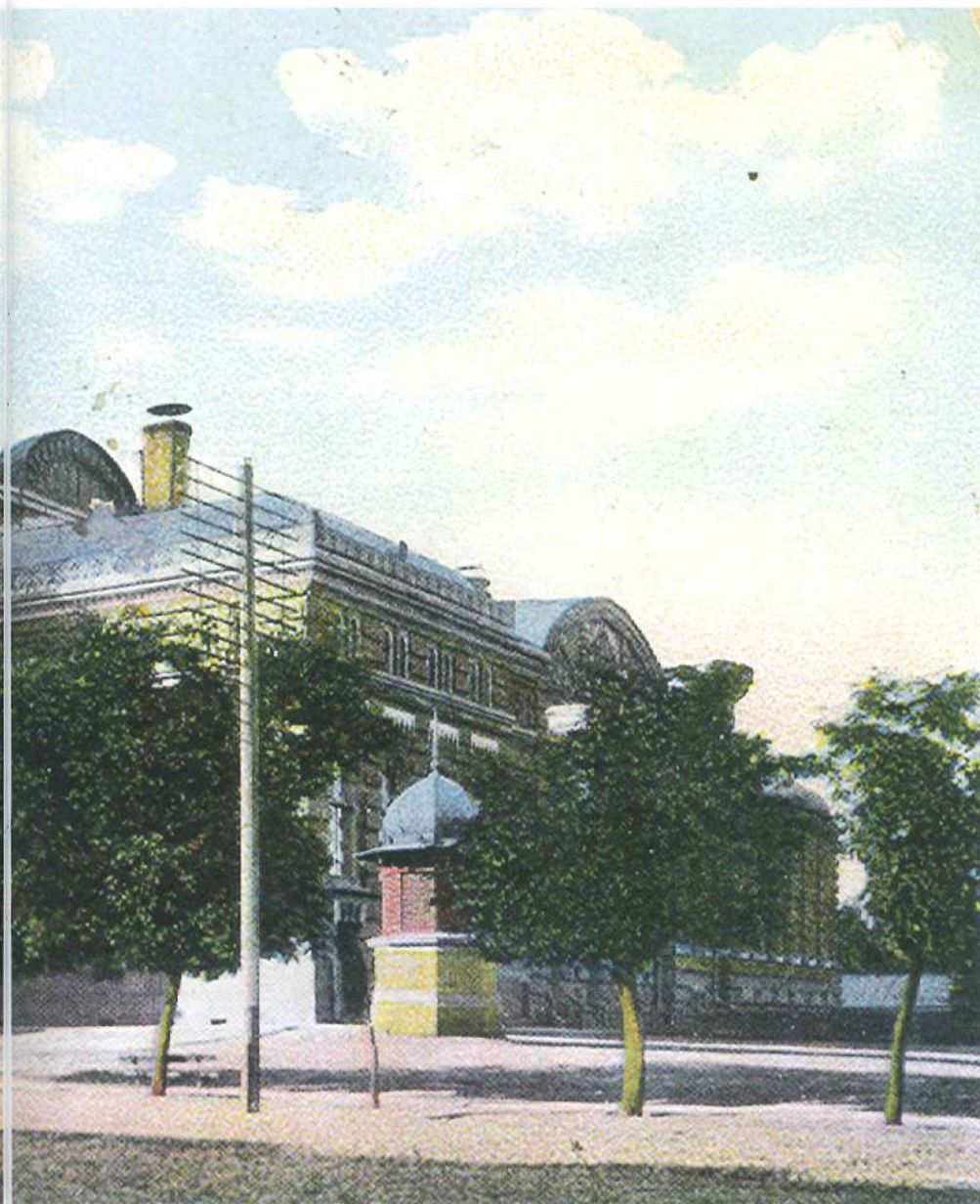
Место: дома, Театр. Палацъ, Тифлисъ. Телеграфъ Тифлисъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Телѣфонъ № 10

На этой афише Шаляпин упомянут дважды

ком будущем он будет занимать одно из первых мест в ряду выдающихся артистов».

Предупреждение — пророческое. Окрыленный неожиданным успехом певец начинает меньше работать над собой, появляются симптомы «звездной болезни». Это вполне объяснимо молодостью, но может перечеркнуть всю дальнейшую карьеру. И на помощь вновь приходит Корганов. Он

Тифлисъ Казенный Театръ.
Tiflis Le Théâtre de la Ville.

В роли Мефистофеля в Тифлисе

довольно сдержанно пишет о достижениях Шаляпина и упорно подчеркивает недостатки в исполнении той или иной арии. Друг прямо упрекает Федора в том, тот «удовлетворился успехами, поблагодарил Усатова за уроки и почил на лаврах». Что ж, Шаляпин внимает критике. И вскоре Корганов пишет уже о его «талантливости, музыкальности и самообладании» в партии Тонио в «Паяцах», о «громадном успехе» в роли Гремина в «Евгении Онегине»: «Игра, манеры, пение – все это было естественно, выразительно, художественно и вызвало шумное одобрение публики».

«ОКАЗАЛ ДЕЛУ БОЛЬШЕ УСЛУГ, ЧЕМ ОЖИДАЛИ...»

Но главное доказательство того, что Шаляпин на правильном пути – отношение к нему антрепренеров: «В один из последних дней сезона мне дали бенефис за то, что я «оказал делу больше услуг, чем ожидали от

Тифлисская военная комендатура – место обитания генерала Эрнста

меня», как выразился управляющий труппой. Я поставил сразу две оперы: «Паяцы» и «Фауста». А ведь бенефис мог и не состояться из-за того, что в городе проходили похороны самого необычного в жизни Федора Михайловича рецензента – военного коменданта Тифлиса генерала Эрнста. Настолько комического персонажа, что нельзя не полюбоваться на то, что он выпорывал при жизни.

Когда этот солдафон ругал жену, та бросалась к роялю, играла гимн, и муж тут же выпягивался по стойке «смирно». В Казенном театре ложа генерала – над оркестром, и однажды он замечает, что трубы перестают играть. Налицо явный беспорядок, и возмущенный поборник однообразия по-армейски вызывает директора те-

атра. Тот поясняет, что у труб пауза, после чего следует замечательный диалог: «А жалованье они получают тоже с паузами?» – «Жалованье получают, как все». – «Потрудитесь же сказать им, чтобы они в следующий раз играли без пауз! Я не потерплю лентяев!».

Увидев Шаляпина в роли Гремина, потомок Скалозуба интересуется... его происхождением и заявляет: «Странно! Я думал, что он из генеральской семьи. Он очень хорошо играет генерала». А самому певцу после похвал сообщает, что на сценическом костюме нет необходимых орденов, да и перчатки паршивые: «Когда вы будете петь генерала Гремина еще раз, я вам дам ордена и перчатки!». И ведь не обманывает. Является

задолго до начала спектакля, заставляет артиста маршировать в костюме под строевые мелодии. А, нацепив на него принесенные в платке звезды и крест, сконфуженно говорит: «Послушайте, Шаляпин, Вы все-таки потом возвратите мне ордена! Тут был один – тоже бас. Я дал ему ордена, а он их, знаете... Того, пропил, что ли, черт его возьми! Не возвратил, знаете...».

К счастью, бенефис все-таки проходит, и уже настоящие рецензенты дают очередные восторженные отзывы. Среди них – Корганов в «Кавказе»: «Из всех певцов, учившихся в Тифлисе, г-н Шаляпин, бесспорно, самый талантливый; всего пять месяцев, как он на сцене в качестве исполнителя первых ролей, и в продолжение этого времени успел приобрести симпатии нашей публики своим всегда удачным исполнением самых разнообразных партий... Эти симпатии выразились в бенефисе, многими ценными подарками и подношениями... Это артист-самородок, вышедший, что называется, «из толпы»... в недалеком будущем он будет занимать одно из первых мест в ряду выдающихся артистов... его голосу, его таланту, а в особенности его музыкальности можно завидовать». А это – «Тифлисский листок»: «Г-н Шаляпин и на этот раз доказал свою музыкальность, мощь голоса и умение владеть им. Игра его, как всегда, была безукоризненной. Артист был в голосе, и многие выдающиеся арии по требованию публики были повторены».

После бенефиса певцу дарят золотые часы и серебряный кубок, со сбора он получает 300 рублей. А больше всего гордится подарком Усатова – лавровым венком с надписью на ленте огромными буквами: «ШАЛЯПИНУ»...

«ДОСТИГ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В ИСКУССТВЕ»

Но праздник завершается, сезон окончен, а Федор помнит призыв Корганова стремиться на столичные сцены, куда, «как солдат в генералы», мечтает попасть каждый истинный артист: «Естественно, что мне захотелось ехать в Москву, центр артистической жизни». Усатов горячо одобряет это стремление и дает письма к управляющему Московской конторой императорских театров Павлу Пчельникову, к своим друзьям в Большом театре – главному дирижеру Ипполи-

Последнее фото Ф. Шаляпина в Тифлисе

Тифлисское музыкальное училище

ту Альтани и главному режиссеру Антону Барцалу, к другим влиятельным людям, помнящим его выступления в Москве.

Конечно же, столица Грузии провозглашает певца банкетом, на котором Шаляпин и говорит о том, что без помощи тифлисцев он остался бы неизвестным хористом. Уезжает он с другом Пашей Агнивцевым, надеясь, что, как и в Тифлисе, их ждут успешные дебюты в обеих российских столицах. Но, как известно, «человек предполагает, а Бог располагает». Продолжив музыкальное образование в Петербурге, тифлисский друг Шаляпина проведет три года на провинциальных сценах, потеряет голос, неизлечимо заболеет душевной болезнью и умрет молодым...

А в середине мая 1894 года полные радужных планов Федор и Павел отправляются на почтовую станцию, дальше – путь через горы, в Россию. Отказ Ольги уехать вместе с ним силь-

но действует на Шаляпина: «По Военно-Грузинской дороге я ехал первый раз. Я много слышал о дивной красоте ее, но я ничего не видал, потому что все время плакал, хотя и стыдно было перед товарищем, который дружески, но безуспешно утешал меня. И только за Анануром величественная красота Кавказа немного успокоила меня».

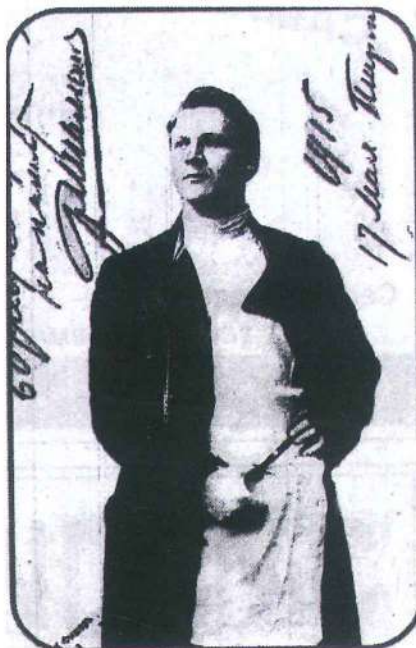
Он и знать не может о том, как тифлиские встречи еще отзовутся в России в его судьбе. О том, что он уже известен в Москве благодаря рецензиям Корганова. Что Труффи поможет ему в первых шагах на петербургской сцене и затем будет дирижировать оперными спектаклями с его участием. Что усатовский учитель Эверарди скажет ему, когда он станет широко известен: «Ти – моя внучка!». Пока что в его «активе» – только Грузия. И если мы подсчитаем афиши с его именем в тифлисских газетах, то увидим: с октября 1893-го по февраль 1894-го он выступил на берегах Куры

в 62-х спектаклях!

Второй раз Шаляпин появляется здесь в 1890 году уже признанным артистом, с большим успехом гастролируя в Тифлисе и в Баку. Его Мефистофель на сцене Казенного театра вновь восхищает всех. А в 1910-м он дает большой концерт в Тифлиском артистическом кружке (теперь в этом здании – театр имени Руставели). Подробно об этом потрясающем выступлении рассказывает писатель Лев Никулин:

«Перед этим концертом повторилось все, что бывало перед выступлениями Шаляпина: ажиотаж театральных барышников, городовые у театральной кассы и молодежь, сутки простоявшая на улице, чтобы получить билет. В театре был «весь Тифлис» – военные, чиновники, богатейшие люди города, а в райке, на галерее – учащаяся молодежь... Порой мы говорим о концерте или спектакле: «Мы испытали чувство высокого удовлетворения». Не этими словами можно было передать впечатления

от концерта Шаляпина. Что бы ни пел Шаляпин, все вызывало в нас умиление, изумление перед чудесным его даром, перед чудом искусства. И действительно, это было чудо...

В 1910 году в Тифлисе Шаляпин был, как говорится, в великолепной форме, и сейчас, закрыв глаза, я живо представляю себе эту богатырскую фигуру на сцене, соразмерное богатырское сложение, округлую мягкость его лица. Взгляд то огневой и яростный, то открытый и ясный, то лукавый и томный, – точно разные люди пели «Менестреля» и «Блоху» или «Персидскую песню» Рубинштейна...

Вероятно, в этот вечер Шаляпин был в хорошем расположении, он сам радовался своему успеху, его радовал темперамент тифлисской публики. Случалось мне слушать его

Верийский сад «Эдем»

в Петрограде, в Москве, но, мне кажется, ничего равного успеху в Тифлисе я не видел. Это не был обычный «шаляпинский» успех, обыкновенный концерт. В Тифлисе все было необыкновенно, никогда не приходилось слышать, чтобы Шаляпин так много пел, как в тот давно ушедший в прошлое вечер, и успех все возрастал, и был нескончаемым. Шаляпина не от-

пускали со сцены, и он схитрил – стал декламировать стихи... Мы долго не уходили из театрального зала, потом погасили свет, и пришлось уйти. Ночь была холодная, дул ветер, но не хотелось возвращаться домой после этого праздника. Позднее мы видели Шаляпина в опере, но впечатления концерта не потускнели, хотя в концерте не было световых эффектов, декораций,

Гостиница «Лондон»

оркестра, грима, костюмов, не было шаляпинских пластичных движений вдоль сцены и в глубь ее... Слово, музыка и жест гармонически сливались, раскрывая всю силу искусства, удивляя и восхищая».

Проходит еще пять лет, и Федор Иванович получает в Петербурге письмо от Василия Корганова: столица Грузии ждет певца, чтобы отметить 25-летие его артистической деятельности. И не просто ждет, а присваивает ему звание своего почетного гражданина. Конечно же, Шаляпин приезжает. Останавливается в гостинице «Лондон», недалеко от столь памятного ему Казенного театра, дает концерты, приходит в музыкальное училище, от души хвалит выступления, организованные в его честь. И выражает «уверенность в блестящем будущем Тифлисского музыкального

училища».

Перед отъездом, как оказалось, навсегда — обязательный пир, в знаменитом роскошном верийском саду «Эдем» (на месте нынешнего зоопарка), столь не похожем на тот сад, в котором когда-то пел долговязый Федя. Первый тост «за славного артиста, который достиг высшей власти в искусстве», затем чаще других тосты поднимает сам герой вечера. Он даже прослезился, вспоминая в очередной раз: «В самый тяжелый момент моей жизни, когда передо мной стоял вопрос, продолжать учиться или навсегда бросить мысли о сцене, Усатов направил меня к Алиханову, который принял в моей судьбе горячее участие и дал возможность продолжать учебу».

После этого с друзьями из Грузии он встречается лишь тогда, когда они

приезжают в Россию, но помнит их постоянно. Одному из них, актеру и режиссеру Ивану Перестиани, снявшему первый в истории грузинский фильм «Арсен Джорджиашвили» и легендарный советский «блокбастер» «Красные дьяволята», он пишет в 1922-м году: «Я так люблю эту дивную страну. Мечтаю даже иногда о розах, солнце и вине... Прошу тебя очень: передай милым кавказцам, что я в моей любви к ним и к их Кавказу, что называется, «и неизменен, и велик». Шлю им самый горячий привет из глубины сердца». И это — не просто слова.

Диана Кесснер, внучка Надежды Кесснер, партнерши Шаляпина в усатовском кружке, вспоминает, как в начале 1920-х до ее дяди Валериана и других студентов Петроградского университета дошли упорные слухи о том, что Шаляпин вскоре навсегда уедет из России. Толпы поклонников Федора Ивановича стремятся перед отъездом великого певца успеть на спектакли с его участием. Когда безденежные студенты в очередной раз сетуют на то, что им ничего не светит, Кесснер проговаривается о том, что «Шаляпин учился с его матерью у одного педагога, пел с ней на концертах и в опере, запросто бывал в их доме, таскал его на плечах». И молодежь начинает действовать. Составляется письмо Шаляпину с просьбой «дать им возможность единственный раз в жизни увидеть и услышать его», швейцару театра вручаются собранные вскладчину деньги, чтобы тот передал послание.

Улучшив минуту и перекрестившись перед непредсказуемой реакцией певца, швейцар передает конверт. А подпись на письме: «От имени и по поручению студенческой братии

Валериан Кесснер

Валериан Кесснер из Тифлиса». Это звучит как пароль — Федор Иванович красным грифельным карандашом пишет прямо на послании: «Ложу студенчеству!» Вскоре после этого он навсегда уедет за границу. И в книге «Маска и душа», созданной в Париже, напишет: «Тифлис — город, оказавшийся для меня чудодейственным».

Так и кажется, что все это — под девизом, которым для него стали собственные знаменитые слова, прозвучавшие на столь памятном последнем банкете в грузинской столице: «Я рожден дважды: для жизни — в Казани, для музыки — в Тифлисе...».

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
«ПОЙ, – НА ДУШЕ ВЕСЕЛЕЙ БУДЕТ!»	6
«... В ДУШЕ МОЕЙ ТЯГОТЕНИЕ К ЖИЗНИ АРТИСТА»	9
«ТЕАТР СВЕЛ МЕНЯ С УМА»	11
«...ЭТОГО МАЛЬЧИКА НАДО ОСТАВИТЬ»	14
«ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЙ ЧЛЕН ТРУППЫ»	16
«Я БЫЛ ТАК РАСТРЕПАН, ГРЯЗЕН...»	20
«ГОЛОДАТЬ В ТИФЛИСЕ ОСОБЕННО НЕПРИЯТНО...»	23
«...НО ТЕАТР – ПРЕЖДЕ ВСЕГО!»	27
«ДЕНЕГ ЗА УЧЕНИЕ Я С ВАС НЕ ВОЗЬМУ»	30
«БЫСТРО ЗАВОЕВАЛ ЛЮБОВЬ ВСЕГО КЛАССА»	32
«ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПО СТИЛЮ И УКРАШЕНИЯМ ДОМ»	35
«АХ, ОЛЬГА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ»	37
«С ИСКРЕННЕЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ Ф. ШАЛЯПИН»	39
«О, ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ДАЛЕКО ПОЙДЕТ»	41
«НАКОЙ КАРОШИ КОЛОС У ЭТОТ МОЛОДОЙ МАЛЬШИК!»	43
«Г-Н ШАЛЯПИН ИМЕЕТ БОЛЬШОЙ УСПЕХ»	46
«ОКАЗАЛ ДЕЛУ БОЛЬШЕ УСЛУГ, ЧЕМ ОЖИДАЛИ...»	50
«ДОСТИГ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В ИСКУССТВЕ»	52

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

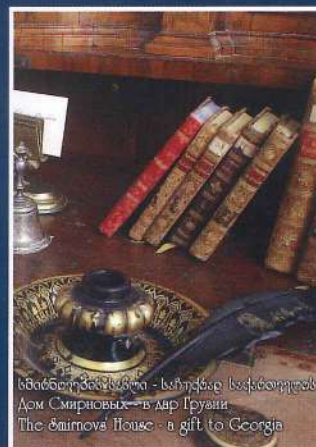
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
«ТИФЛИС – ГОРОД,
ОКАЗАВШИЙСЯ ДЛЯ МЕНЯ
ЧУДОДЕЙСТВЕННЫМ»
ФЕДОР ШАЛЯПИН

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

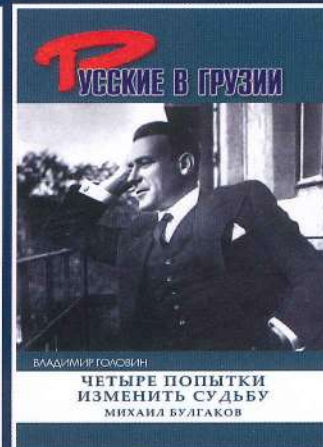
Над книгой работали
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ

Использован фотоматериал
из открытого доступа в Интернете

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

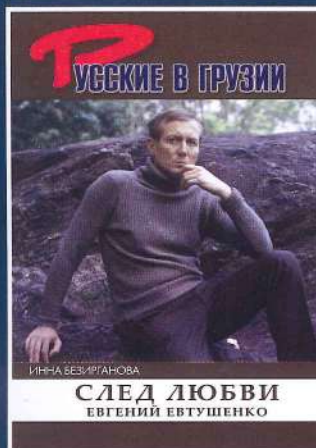
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
ЧЕТЫРЕ ПОПЫТКИ
ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
ЧЕТЫРЕ ПОПЫТКИ
ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

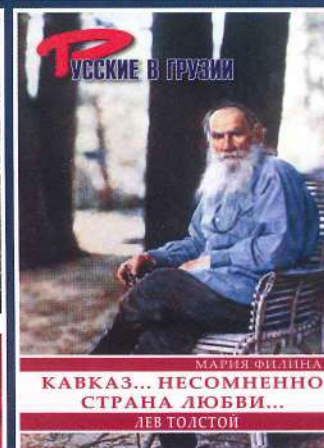
«КУРА В ТУМАННОЙ
ДЫМКЕ И ДА ЛЕКЦИИ
МОНАСТЫРЬ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
ВЛАДИМИР ВИСОЦКИЙ

ИРИНА БЕЗЪЯНОВА
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
СЛЕД ЛЮБВИ
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
«ТОДЧОК,
КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ
ИЗ БРОДЯГИ
ЛИТЕРАТОРА»
МАКСИМ ГОРЬКИЙ

МАРИЯ ФЕДИНА
КАВКАЗ... НЕСОМНЕННО
СТРАНА ЛЮБВИ...
ЛЕВ ТОЛСТОЙ

МАРИНА МДЗМАРИШВИЛИ
ДОЛГИЙ ПУТЬ
В ИСКУССТВЕ
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУХАЕВ

МАРИЯ ФЕДИНА
БОРИС ПАСТЕРНАК
В ГРУЗИИ

ИРИНА ЗАРДАЛАШВИЛИ
ТБИЛИСИ –
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И ОБРАТНО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru